

Лиссбет Котцова

РАЗВОД
С ГЕРЦОГОМ-
ЗЛОДЕЕМ

Лиссбет Котцова

Развод с герцогом злодеем

«Литнет»

2026

Котцова Л.

Развод с герцогом злодеем / Л. Котцова — «Литнет», 2026

ФИНАЛ Я умерла в тот миг, когда узнала: муж изменял мне с лучшей подругой. Но вместо забвения очнулась в чужом теле — в роскошной спальне, в мире романа, где мне уже отвели роль злодейки. Теперь я Элиана Вейр. Ненавистная жена холодного герцога. Женщина, которую обвиняют в покушении на его возлюбленную. Та, кого через месяц должны казнить за измену короне. В прежней жизни я слишком долго терпела предательство. В этой — не стану. Я не буду умолять мужа о любви. Не буду плакать перед его фавориткой. Не позволю сделать из себя чудовище ради чужого счастливого финала. Мой первый приказ самой себе прост: выжить. Мой первый удар — прошение о разводе. Только герцог почему-то не спешит отпускать жену, которую презирал. Он смотрит на меня так, будто понял: перед ним уже не прежняя Элиана. И он прав. Потому что прежняя Элиана была обречена. А я собираюсь переписать эту историю кровью тех, кто решил похоронить меня раньше времени. В книге есть: попаданка в тело злодейки, измена, властный герцог, развод, дворцовые интриги, тайны прошлого, опасная фаворитка, медленное притяжение и героиня, которая больше не позволит себя сломать.

© Котцова Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Кольцо на столе	5
Глава 2. Жена, которая не стала плакать	11
Глава 3. Розовый чай	18
Глава 4. Кровь на снегу	25
Глава 5. Детский смех	35
Глава 6. Имя на дереве	43
Глава 7. Дознаватель, который слышал смех	51
Глава 8. Не та дверь	58
Глава 9. Чёрные розы	66
Глава 10. Вторая дверь	76
Глава 11. Башня, которая помнила	83
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Глава 1. Кольцо на столе

Дождь начался ровно в тот момент, когда Марина поняла: домой она сегодня возвращается не женой, а дурой.

Такси остановилось у подъезда, фары на секунду выхватили из темноты мокрые ступени, чёрные стволы деревьев и знакомые окна на седьмом этаже. В одном из них горел свет.

И это было странно.

Андрей должен был быть в командировке.

Марина ещё утром сама гладила ему рубашку, собирала в дорожную сумку документы и слушала, как он раздражённо повторяет по телефону кому-то из коллег:

— Нет, я вылетаю вечером. Да, на два дня. Всё решу сам.

Она тогда подумала: устал. Последние месяцы Андрей часто был злым, резким, холодным. То задерживался на работе, то забывал перезвонить, то отмахивался от её вопросов коротким: «Не начинай».

Марина не начинала.

Она вообще слишком долго не начинала.

Слишком долго делала вид, что не замечает чужого запаха на его шарфе. Слишком долго улыбалась, когда он прятал телефон экраном вниз. Слишком долго убеждала себя, что брак — это не сказка, что у всех бывают тяжёлые периоды, что нужно быть мудрой.

Мудрой.

Теперь это слово казалось ей плевром.

— Вам помочь с пакетами? — спросил водитель.

Марина вздрогнула и посмотрела на свои руки. На коленях лежал бумажный пакет с пирожными из той самой кондитерской, где они с Андреем когда-то праздновали первую годовщину. Сегодня он должен был прилететь только послезавтра, а она решила сделать сюрприз: вернуться с конференции раньше, поставить на стол кофе, пирожные, свечу.

Глупо.

До унижения глупо.

— Нет, спасибо, — сказала она и вышла из машины.

Дождь тут же ударил по волосам, по лицу, по тонкому пальто. Марина не раскрыла зонт. Почему-то показалось: если она сейчас остановится, если начнёт копаться в сумке, искать ключи, зонт, дыхание, остатки достоинства — она просто не дойдёт до двери.

В лифте пахло сыростью и чужими духами. Зеркало в металлической раме показало ей бледное лицо, размазанную тушь под одним глазом и губы, сжатые так крепко, будто она пыталась удержать внутри крик.

«Может, он просто вернулся раньше. Может, заболел. Может, самолёт отменили».

На седьмом этаже было тихо.

Слишком тихо для дома, где её ждали.

Марина открыла дверь своим ключом. Замок щёлкнул почти бесшумно. В прихожей горел мягкий свет. На полу стояли мужские ботинки Андрея. Рядом — женские туфли.

Красные.

Марина знала эти туфли.

Она сама выбирала их для Леры на день рождения.

Пальцы разжались. Пакет с пирожными упал на пол, коробка внутри глухо ударилась о плитку. Крышка приоткрылась, и белый крем выполз наружу, пачкая бумагу.

Из спальни донёсся женский смех.

Не громкий, не истеричный. Уютный. Домашний. Такой смех бывает у женщины, которая уверена, что ей здесь можно смеяться.

Марина стояла в прихожей и смотрела на красные туфли.

Лера.

Её лучшая подруга Лера, которая сидела с ней на кухне после каждой ссоры с Андреем, гладила её по руке и говорила: “Ты просто слишком много думаешь. Он тебя любит. Мужчины такие, им нужно пространство”.

Пространство.

В их постели.

Марина сделала шаг.

Потом второй.

Дверь в спальню была не закрыта до конца. Из щели падала узкая полоска света.

— Ты с ней всё-таки поговоришь? — услышала она голос Леры. Ленивый, сладкий, чуть насмешливый. — Я устала прятаться.

— Не сегодня, — ответил Андрей.

Марина замерла.

Она не узнала его голос. Или, наоборот, впервые услышала настоящего Андрея: спокойного, раздражённого, равнодушного.

— Ты всегда так говоришь.

— Лер, не начинай. У неё сейчас проект, нервы, опять будет сцена.

— А мне что делать? Смотреть, как ты играешь примерного мужа?

Андрей усмехнулся.

— Примерного? Если бы ты знала, как она меня душит своей правильностью. Вечно смотрит так, будто я должен быть благодарен за её борщи, заботу и эти жалкие попытки сохранить семью.

Марина не дышала.

Всё внутри неё стало пустым. Не больным — именно пустым. Будто кто-то вынул сердце, лёгкие, кровь, оставив только оболочку в мокром пальто.

— Но квартира на ней? — спросила Лера.

Пауза.

— Пока да.

Пока.

Вот слово, которое добило окончательно.

Марина толкнула дверь.

Она не знала, чего ожидала. Крика? Сцены? Может быть, позорного желания, чтобы Андрей вскочил, побледнел, начал оправдываться, бросился к ней?

Он не бросился.

Андрей лежал на её стороне кровати. На той самой подушке, на которой ещё вчера Марина не могла уснуть, потому что ждала его с работы. Лера сидела рядом, завернувшись в их одеяло. Её волосы были распущены, губы припухли, а на лице застыло выражение человека, которого застали не за преступлением, а за чем-то досадно неудобным.

— Марина, — сказал Андрей.

Не “прости”.

Не “это не то, что ты подумала”.

Просто её имя. Сухо. Почти с укором.

Марина посмотрела на него. Потом на Леру. Потом снова на него.

В комнате пахло вином, чужими духами и концом её жизни.

— Я вернулась раньше, — сказала она.

Голос прозвучал спокойно. Настолько спокойно, что Лера первой отвела глаза.

Андрей сел, натягивая простыню на бедра.

— Нам надо поговорить.

Марина кивнула.

— Нет.

Он нахмурился.

— Что значит “нет”?

Она медленно сняла с пальца обручальное кольцо. Оно не сразу поддалось, будто за годы брака приросло к коже. Марина потянула сильнее. Металл царапнул сустав. Больно. Хорошо. Значит, она ещё живая.

Она подошла к туалетному столику и положила кольцо рядом с Лериной помадой.

Золото тихо стукнуло о дерево.

— Значит, не надо.

Лера вскинула голову.

— Марин, послушай, я не хотела, чтобы так...

— Молчи, — сказала Марина.

Одно слово.

Тихое.

Но Лера замолчала сразу.

Андрей резко поднялся.

— Не смей с ней так разговаривать.

Вот оно.

Не с женой. С ней.

Марина даже улыбнулась. Не весело — мёртво.

— Защищаешь? Как благородно.

— Ты сейчас не в себе.

— Ошибаешься. Кажется, впервые за долгое время я именно в себе.

Она развернулась и пошла к выходу.

За спиной Андрей выругался.

— Марина, прекрати этот спектакль.

Она остановилась в прихожей, подняла с пола сумку. Пирожные так и остались лежать раздавленным комком у стены. Белый крем напоминал грязный снег.

Андрей вышел следом, уже в брюках, но босиком. В чужом, нелепом виде. Без привычной брони дорогих костюмов и уверенного тона.

— Ты никуда не пойдёшь в таком состоянии.

Марина открыла дверь.

— Пойду.

— И куда? К маме плакаться? К юристу? Ты хоть понимаешь, что без меня не вывезешь ни ипотеку, ни компанию, ни свою красивую жизнь?

Она посмотрела на него через плечо.

— Красивую жизнь?

Андрей усмехнулся. В этой усмешке было столько презрения, что Марина вдруг поняла: он давно её не любил. Не вчера. Не месяц назад. Давно. Просто она была удобной. Правильной. Тёплой лампой в прихожей, которую не замечают, пока она светит.

— Не драматизируй, — сказал он уже тише. — Ты всё равно никуда от меня не денешься.

Марина вышла из квартиры и закрыла дверь.

Не хлопнула. Не бросила последнюю фразу. Не устроила сцену, которой он ждал.

Просто закрыла.

В лифте она наконец начала дрожать. Не плакать — нет. Слез не было. Только дрожь, крупная, противная, от плеч до пальцев.

Телефон завибрировал почти сразу.

Андрей.

Она сбросила.

Снова звонок.

Снова.

Потом сообщение:

“Вернись. Не позорь себя.”

Следом второе:

“Нам надо всё обсудить спокойно.”

Третье:

“Марина, ты ведёшь себя как истеричка.”

Она вышла под дождь.

Ночь расплывалась в огнях машин, мокрому асфальту, неоновых вывесках. Ветер бил в лицо, волосы липли к щекам, пальто промокло насквозь. Марина шла, не разбирая дороги.

Ей казалось, что город смотрит на неё тысячами окон.

Женщина без кольца.

Жена без мужа.

Дура без оправданий.

На пешеходном переходе загорелся зелёный. Она сделала шаг.

И в этот момент телефон снова завибрировал.

На экране высветилось имя Леры.

Марина не знала зачем, но приняла вызов.

— Марин, — голос подруги был осторожным, почти мягким. — Ты только не делай глупостей. Андрей тебя не бросит. Просто... ну, так бывает. Ты же взрослая женщина. Не ломай всем жизнь из-за эмоций.

Марина остановилась посреди дороги.

Вокруг шумел дождь.

— Всем? — спросила она.

— Ты же понимаешь, вы давно были несчастливы.

— А ты, конечно, решила помочь.

Лера вздохнула.

— Я его люблю.

Эти три слова оказались хуже всего.

Не потому что были неожиданными. Потому что прозвучали искренне. Нагло, просто, без стыда.

Марина закрыла глаза.

— Забирай.

— Что?

— Его. Его вещи. Его ложь. Его кредиты. Его мать, которая будет звонить тебе в семь утра и учить правильно резать лук. Его привычку унижать тебя шутками при друзьях. Его молчание. Его измены. Всё забирай.

На том конце стало тихо.

— Ты пожалеешь, — сказала Лера уже другим голосом.

Марина открыла глаза.

Перед ней был свет.

Сначала она подумала: фары.

Потом — что свет слишком близко.

Крик водителя разорвал ночь. Тормоза взвизгнули по мокрому асфальту. Телефон выскользнул из руки.

Удар.

Боли почти не было.

Только странная лёгкость, будто её наконец отпустили.

Марина лежала на холодной дороге, дождь падал ей на лицо, а где-то далеко-далеко Лера всё ещё кричала в трубку:

— Марина? Марина!

Она хотела ответить, что всё в порядке.

Что теперь правда всё в порядке.

Но губы не слушались.

Последнее, что она увидела, — собственную руку на асфальте. На безымянном пальце осталась красная полоска от кольца.

Потом мир погас.

Она проснулась от запаха роз.

Слишком сладкого. Душного. Тяжёлого, как чужие похороны.

Марина резко вдохнула и закашлялась. Горло саднило, будто она кричала несколько часов подряд. Тело было ватным. Голова раскалывалась.

“Больница”, — подумала она.

Но больницы не пахнут розами.

И в больницах не бывает шёлковых балдахинов над кроватью.

Она открыла глаза.

Над ней висела тёмно-алая ткань, расшитая золотыми нитями. За высокими окнами клубился серый рассвет. На стенах горели свечи. Настоящие свечи. Их пламя дрожало, отражаясь в огромном зеркале напротив.

Марина попыталась сесть и тут же поняла, что на ней не больничная рубашка. На ней было тяжёлое белое платье с кружевами у горла. Волосы — длинные, почти серебряные — рассыпались по груди.

Она схватила прядь.

Чужие волосы.

Чужие руки.

Тонкие пальцы. Бледная кожа. На запястье — синий след, похожий на отпечаток чьей-то хватки.

Марина медленно повернула голову к зеркалу.

И увидела не себя.

В отражении на кровати сидела молодая женщина невероятной красоты: фарфоровое лицо, острые скулы, светлые глаза, почти бесцветные губы. Красота была холодной, тревожной, как у статуи, которую однажды уронили и склеили заново.

Марина открыла рот.

Женщина в зеркале сделала то же самое.

— Нет, — прошептала она.

Голос был не её.

Ниже. Мягче. Чужой.

Дверь распахнулась.

В комнату вошли двое мужчин в тёмной форме. За ними — пожилая женщина в строгом сером платье. Все трое замерли, увидев, что она очнулась.

Пожилая женщина побледнела.

— Миледи...

Миледи?

Марина вцепилась пальцами в покрывало.

— Где я?

Женщина не ответила. Только обменялась испуганным взглядом с одним из мужчин.

— Позовите герцога, — сказала она.

Герцога.

Слово ударило по сознанию, как ледяная вода.

Нет.

Нет, этого не может быть.

Марина знала эту комнату. Не потому что бывала здесь. Потому что читала её описание.

Алая спальня восточного крыла. Золотые розы на балдахине. Серый рассвет над замком Вейр.

Роман.

Тот самый дурацкий роман, который она читала в самолёте по дороге на конференцию. История о нежной девушке Селесте, жестоком герцоге Кайрене и его безумной жене Элиане Вейр.

Жене, которую в третьей части обвинят в измене короне.

Жене, которую казнят на рассвете.

Марина медленно посмотрела на свои чужие руки.

Элиана.

Она попала в тело злодейки.

В коридоре слышались шаги.

Тяжёлые. Ровные. Уверенные.

Люди в комнате вытянулись, будто в присутствии хищника.

Вошёл мужчина.

Высокий, широкоплечий, в чёрном мундире с серебряной застёжкой у горла. Тёмные волосы были убраны назад, лицо — резкое, красивое и совершенно лишённое тепла. Он смотрел на неё так, как смотрят не на жену, а на проблему, которую слишком рано списали со счетов.

Марина узнала его сразу.

Герцог Кайрен Вейр.

Муж Элианы.

Будущий палач.

Он остановился у кровати.

Несколько секунд молчал, изучая её лицо.

Потом сказал:

— Очнулись?

Марина не ответила. Сердце билось так сильно, что отдавалось в висках.

Кайрен чуть склонил голову.

— Жаль.

Пожилая женщина за его спиной вздрогнула.

Герцог продолжил тем же спокойным, ледяным голосом:

— Казнь придётся отложить.

И в этот момент Марина поняла окончательно: смерть была только началом.

Глава 2. Жена, которая не стала плакать

— Казнь придётся отложить.

Слова повисли в комнате так спокойно, будто герцог сообщил не о смерти жены, а о переносе ужина.

Марина — нет, теперь уже Элиана — смотрела на него и пыталась заставить себя дышать ровно.

Не кричать.

Не задавать глупых вопросов.

Не показывать, что ничего не понимает.

Она слишком хорошо помнила: в романах попаданки выживали не потому, что сразу бросались всем объяснять правду. Они выживали, когда вовремя закрывали рот и слушали.

А ещё она помнила другое: Элиана Вейр умерла не сразу.

Сначала её объявили сумасшедшей. Потом — изменницей. Потом нашли письма с печатью вражеского королевства. Потом герцог Кайрен лично подписал приказ о заключении жены в северной башне.

И только спустя месяц её вывели на площадь.

Казнь на рассвете.

В романе этому посвятили всего три страницы. Неприятная, но необходимая смерть злодейки, мешавшей счастью главной героини.

Марина тогда читала и почти не сочувствовала Элиане. Та казалась истеричной, жестокой, ревливой. Женщиной, которая цеплялась за мужа, устраивала сцены и мучила бедную Селесту.

Теперь Марина сидела в её теле.

С чужим горлом.

С чужой болью в запястьях.

С чужой судьбой, уже отмеченной топором.

— Что вы сказали? — спросила она.

Голос дрогнул, но не сорвался.

Кайрен Вейр приподнял бровь. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на скучающее любопытство.

— У вас проблемы со слухом, миледи?

Пожилая женщина в сером платье шагнула вперёд.

— Ваша светлость, леди ещё слаба. Лекарь говорил, что после такого приступа возможна спутанность...

— Я не спрашивал лекаря, мадам Ровен.

Женщина замолчала так резко, будто её ударили.

Элиана запомнила имя.

Мадам Ровен. Управляющая? Экономка? В романе, кажется, была такая — единственная из слуг, кто до последнего оставался рядом с прежней Элианой. Или это тоже была ложь? В книге вообще многое могло оказаться чужой версией событий.

Кайрен подошёл ближе.

Он двигался бесшумно для такого высокого мужчины. В этом было что-то неправильное, хищное. Не человек — клинок в чёрном мундире.

— Вчера вечером вы пытались убить леди Селесту.

Вот оно.

Имя прозвучало, как щелчок замка.

Селеста.

Нежная героиня романа. Светлая сирота, воспитанница королевского двора, девушка с огромными глазами и добрым сердцем. Та самая, ради которой читательницы должны были ненавидеть Элиану.

Та самая, на которой Кайрен женится после её смерти.

Элиана медленно опустила взгляд на свои руки.

— Я пыталась её убить?

— Не делайте вид, что не помните.

— Я не делаю вид. Я спрашиваю.

В комнате стало совсем тихо.

Кайрен смотрел на неё пристальнее. Видимо, прежняя Элиана на таком месте уже кричала бы, обвиняла, рыдала, билась в истерике.

Марина тоже хотела.

Но жизнь с Андреем научила её одной полезной вещи: иногда спокойствие раздражает сильнее крика.

— Вы ворвались в зимнюю галерею, — сказал герцог. — С кинжалом. Леди Селеста получила ранение. Если бы стража не успела...

— Она жива?

Кайрен чуть сузил глаза.

— Вас это огорчает?

— Меня интересуют факты.

Эти слова она сказала почти механически. Так говорила на работе, когда клиент начинал давить эмоциями: “Меня интересуют факты”. Обычно это помогало вернуть разговор в рамки.

Здесь, похоже, это было равносильно пощёщине.

Один из стражников коротко взглянул на другого. Мадам Ровен побледнела ещё сильнее.

Кайрен наклонился к ней. Не слишком близко, но достаточно, чтобы Элиана увидела тонкий шрам у него на подбородке и холодные серые глаза. В книге его называли “чёрным герцогом”. Красивым чудовищем. Мужчиной, который не прощал измены.

— Факты, — повторил он тихо. — Хорошо. Факт первый: вы нарушили домашний арест. Факт второй: у вас в руке был кинжал. Факт третий: леди Селеста истекала кровью на полу. Факт четвёртый: вы сказали, что, если я не буду принадлежать вам, меня не получит никто.

Элиана молчала.

Внутри всё холодело.

Это плохо.

Очень плохо.

Потому что сцена с кинжалом в романе была. Но она должна была произойти позже. Примерно через две недели после бала в честь приезда наследного принца. После неё Кайрен окончательно решал, что Элиана безумна.

А значит, сюжет уже шёл не так, как она помнила.

Или она попала не в начало истории.

— Я не помню этого, — сказала она.

— Удобно.

— Да. Очень. Особенно если учесть, что я проснулась в чужой спальне, с чужими людьми, чужими обвинениями и вашим лицом над собой.

Она поняла, что сказала лишнее, только когда закончила фразу.

Мадам Ровен тихо ахнула.

Стражники напряглись.

Кайрен замер.

Несколько секунд он просто смотрел на неё. Потом очень медленно произнёс:

— Чужой спальне?

Чёрт.

Марина мысленно вцепилась в себя обеими руками.

Думай.

Быстро.

— После такого приступа, как вы выразились, — она кивнула в сторону мадам Ровен, — даже собственная спальня кажется чужой.

Кайрен не поверил. Она видела это по его лицу.

Но опровергнуть было нечем.

— Вы хотите убедить меня, что потеряли память?

— Я хочу убедить вас только в одном: я не собираюсь умирать за то, чего не помню.

— А за то, что помните?

Вопрос ударил неожиданно.

Элиана подняла глаза.

В нём не было сочувствия. Ни капли. Но и торжества не было. Только холодное, почти научное внимание. Будто герцог изучал странное насекомое, которое вдруг заговорило человеческим голосом.

— За то, что помню, — сказала она, — я уже умерла.

Губы произнесли это сами.

В комнате никто не понял.

А вот Кайрен услышал.

Его взгляд стал острее.

— Оставьте нас, — приказал он.

— Ваша светлость... — начала мадам Ровен.

— Все.

Стражники вышли сразу. Мадам Ровен задержалась на секунду, посмотрела на Элиану так, будто хотела что-то сказать, но поклонилась и тоже исчезла за дверью.

Щелчок замка прозвучал слишком громко.

Элиана осталась одна с мужчиной, который в будущем подпишет её смерть.

Она сжала пальцы под одеялом.

— Я не в состоянии принимать гостей.

— Я не гость. Это мой дом.

— Тогда напомним: по всем законам приличия жена может попросить мужа выйти из спальни.

Кайрен усмехнулся.

Вот теперь в его лице появилось что-то живое. Но от этого стало только страшнее.

— Законы приличия вы вспомнили поздновато, миледи.

— Лучше поздно, чем на эшафоте.

Он подошёл к окну и резко распахнул тяжёлую штору. Серый свет хлынул в комнату, заставив Элиану зажмуриться. За стеклом поднимались острые башни замка. Каменные стены, заснеженные крыши, чёрные флаги с серебряным волком.

Вейр.

Род герцога Севера.

Всё было слишком настоящим.

Холод от окна.

Запах воска.

Тяжесть платья на коже.

Боль в запястье.

Она умерла на мокром асфальте — и проснулась внутри чужой трагедии.

— Вы странная сегодня, — сказал Кайрен.

— Возможно, смерть меня не украшает.

— Вы не умерли.

— Разве? Вы только что сообщили, что казнь отложена. Не отменена.

Он повернулся.

— А вы ожидали милосердия?

Элиана рассмеялась.

Коротко. Хрипло. Без радости.

— От мужа, который первым делом после моего пробуждения пожалел, что я не умерла?

Нет, ваша светлость. Милосердия я от вас не жду.

Кайрен молчал.

Его лицо осталось холодным, но в комнате будто стало теснее.

Элиана вдруг поняла: она должна действовать сейчас.

Не завтра.

Не после того, как освоится.

Не после того, как узнает правила.

Сейчас.

Пока все ждут прежнюю Элиану: истеричную, униженную, влюблённую до безумия. Пока Кайрен уверен, что она будет оправдываться, проклинать Селесту, хвататься за его рукав и требовать любви.

Нужно сломать ожидание.

Иначе её сломают первой.

Она откинула одеяло.

Ноги коснулись холодного пола. Тело было слабым, перед глазами потемнело, но она удержалась. Платье путалось, волосы падали на лицо. Двигалась она, наверное, нелепо, но смогла встать.

— Сядьте, — приказал Кайрен.

— Нет.

Одно слово.

Как тогда, в спальне Андрея.

Только теперь цена была выше.

Герцог сделал шаг к ней.

— Вы едва держитесь на ногах.

— Зато всё ещё держусь.

Она подошла к туалетному столику. В зеркале снова отразилось чужое лицо. Красивое. Бледное. Опасно хрупкое.

На столике лежала тонкая цепочка с рубиновым кулоном. Элиана машинально коснулась его, и в памяти вспыхнуло — не её, чужое.

Кайрен надевает этот кулон ей на шею в день свадьбы.

Его пальцы холодны.

Он говорит: “Не ждите от меня любви”.

А прежняя Элиана улыбается так, будто не слышит.

Марина отдернула руку.

Воспоминание исчезло.

Она подняла с туалетного столика маленький серебряный нож для писем. Кайрен мгновенно напрягся.

— Положите.

— Не волнуйтесь. Я уже поняла, что с кинжалами у этой семьи сложные отношения.

Она взяла лист бумаги. Чернила. Перо. Руки дрожали, но она заставила себя писать.

Буквы выходили неровными, зато знакомыми. Видимо, тело помнило язык этого мира.

— Что вы делаете? — спросил Кайрен.

— Экономлю нам обоим время.

Она написала всего несколько строк.

Потом повернулась и протянула лист ему.

Кайрен не взял.

— Объяснитесь.

— Это прошение о расторжении брака.

Тишина.

На этот раз даже огонь в свечах будто замер.

Герцог посмотрел на неё так, словно впервые увидел не жену, не обвиняемую, не проблему — а нечто невозможное.

— Что?

Элиана подняла подбородок.

— Я прошу развод.

Кайрен медленно подошёл и всё же взял бумагу. Его взгляд скользнул по строкам. Лицо не изменилось, но пальцы на краю листа сжались чуть крепче.

— Вы вчера пытались убить женщину из ревности.

— По вашим словам.

— А сегодня просите развод.

— Люди меняются.

— За одну ночь?

Элиана посмотрела ему прямо в глаза.

— Иногда хватает одной смерти.

Он застыл.

Слишком опасная фраза. Слишком правдивая.

Но она уже не могла остановиться.

— Вы меня ненавидите, — продолжила она. — Я, судя по всему, доставила вам достаточно неприятностей. Леди Селеста ранена. Двор ждёт скандала. Ваши враги, несомненно, уже выбирают, на какой бокал вина шепнуть эту новость. Так зачем вам жена, которую вы собираетесь казнить?

Кайрен сложил лист пополам.

Аккуратно.

Слишком аккуратно.

— Вы думаете, развод спасёт вас от суда?

— Нет. Но он спасёт вас от необходимости делать вид, что моя смерть вас касается.

— Осторожнее, миледи.

— Я как раз впервые осторожна.

Он подошёл ближе.

Настолько близко, что она почувствовала холодный запах снега и кожи от его мундира.

— Чего вы хотите на самом деле?

Свободы.

Жизни.

Ответов.

Шанса не повторить судьбу женщины, которую автор заранее назначил чудовищем.

— Три вещи, — сказала Элиана. — Лекаря. Мадам Ровен. И все документы, касающиеся вчерашнего нападения на леди Селесту.

— Вы отдаёте приказы?

— Я прошу. Пока ещё вежливо.

В его глазах мелькнула тень насмешки.

— А если я откажу?

Элиана улыбнулась.

Она не знала, откуда взяла силы для этой улыбки. Может, из мокрого асфальта. Может, из красных туфель Леры. Может, из кольца, оставленного на столе.

— Тогда вам придётся казнить женщину, которая сама попросила у вас развод. И весь двор задастся вопросом: чего так боялся герцог Вейр, если не смог отпустить даже ненавистную жену?

Кайрен ничего не сказал.

Он просто смотрел на неё.

Долго.

А потом внезапно рассмеялся.

Тихо. Низко. Почти беззвучно.

От этого смеха по коже Элианы пробежал холод.

— Интересно, — произнёс он. — Очень интересно.

Она сжала пальцы, чтобы не отступить.

— Это согласие?

— Это отсрочка.

— Моей казни?

— Ваших иллюзий.

Он направился к двери, но на пороге остановился.

— Документы вы получите. Мадам Ровен тоже. Лекарь придёт через час. А развод...

Кайрен обернулся.

Его взгляд скользнул по ней — внимательный, недоверчивый, опасный.

— Развод я вам не дам.

Элиана почувствовала, как внутри всё оборвалось.

— Почему?

Герцог улыбнулся.

Не тепло.

Не ласково.

Как человек, который только что нашёл новую фигуру на шахматной доске.

— Потому что моя жена, которую я знал, скорее сожгла бы этот замок, чем отказалась от меня.

Он поднял сложенное прошение.

— А значит, вы либо не Элиана Вейр...

Сердце ударило в рёбра.

Раз.

Другой.

Кайрен открыл дверь.

— Либо стали куда опаснее, чем были.

Он вышел, оставив её одну.

Только тогда Элиана позволила себе выдохнуть.

Ноги подкосились, и она опустилась на край кровати. Руки тряслись так сильно, что она спрятала их в складках платья.

Он заметил.

Слишком быстро.

Слишком много.

Это был не картонный холодный герцог из романа. Не удобный муж главной героини. Не красивый палач на три сцены.

Это был человек, который умел видеть трещины.

И если она ошибётся ещё раз — он поймёт всё.

Дверь тихо скрипнула.

Элиана резко подняла голову.

В комнату вошла мадам Ровен. Уже без стражников. В руках она держала поднос с водой, лекарствами и маленьким конвертом, запечатанным чёрным воском.

Лицо женщины было напряжённым.

— Миледи, — сказала она шёпотом. — Нам нельзя говорить долго.

Элиана медленно встала.

— О чём?

Мадам Ровен поставила поднос на стол и оглянулась на дверь.

— Я не знаю, что с вами случилось. Не знаю, почему вы смотрите так, будто видите этот дом впервые. Но если в вас осталось хоть немного здравого смысла, запомните: вчера вы не нападали на леди Селесту.

Воздух исчез.

Элиана шагнула к ней.

— Что?

Мадам Ровен сунула ей конверт.

— Вы сами велели передать это вам, если проснётся.

— Я?

— Да, миледи.

Пальцы Элианы похолодели.

Она сломала печать.

Внутри лежал лист, исписанный тем же почерком, которым она только что писала прошение о разводе. Только строки были резкими, торопливыми, будто прежняя Элиана выводила их в ужасе.

На листе было всего несколько слов:

“Если ты читаешь это — значит, я не сошла с ума.
 Селеста лжёт.
 Кайрену не верь.
 И самое главное: не пей розовый чай.”

Элиана медленно подняла глаза на поднос.

Рядом с лекарствами стояла фарфоровая чашка.

От неё поднимался тонкий пар.

И пахло розами.

Глава 3. Розовый чай

Элиана смотрела на чашку так, будто внутри неё плавала не душистая заварка, а змея.

Пар поднимался тонкой молочной струйкой, изгибался в воздухе и растворялся у её лица приторным запахом роз. Точно таким же пахла комната, когда она очнулась. Точно таким же — тяжёлым, сладким, похоронным.

“Не пей розовый чай.”

Слова на записке будто прожгли бумагу насквозь.

Мадам Ровен заметила её взгляд и быстро, почти незаметно, сдвинула поднос дальше от кровати.

— Миледи, — прошептала она, — не смотрите так явно.

Элиана медленно подняла глаза.

— Кто его принёс?

— Служанка из южного крыла. Сказала, что это распоряжение лекаря.

— Имя.

Мадам Ровен помедлила.

— Нира.

Элиана запомнила.

В этом мире имена могли стоять жизни. Чужой или её собственной.

Она снова посмотрела на письмо. Почерк был её. То есть прежней Элианы. Тот же наклон, те же острые хвостики букв, та же нервная сила в нажиме. Женщина, которую весь роман называл безумной, успела оставить предупреждение. Значит, она что-то знала. Значит, не всё было так просто.

И значит, смерть Элианы могла начаться не с эшафота.

А с этой чашки.

— Вы знали? — спросила Элиана.

Мадам Ровен вздрогнула.

— О чае?

— О том, что мне нельзя его пить.

Старая женщина на мгновение сжала губы. В её лице боролись страх и привычка молчать.

— Я подозревала.

— Подозревали, но всё равно позволили принести?

— В этом доме, миледи, иногда опаснее запретить, чем принять.

Элиана чуть усмехнулась.

— Удобная философия для тех, кто хочет дожить до старости.

— Да, — тихо сказала мадам Ровен. — Именно поэтому я ещё жива.

Ответ был настолько честным, что Элиана не нашлась, что сказать.

Она снова опустилась на кровать. Слабость накатывала волнами, будто тело Элианы до сих пор пыталось решить, стоит ли ему жить. Руки дрожали. Запястье болело. В висках пульсировало, а под кожей то и дело вспыхивали чужие обрывки памяти.

Зимняя галерея.

Красное пятно на белом мраморе.

Смех женщины.

Кинжал на полу.

И шёпот у самого уха: “Теперь тебе никто не поверит.”

Элиана зажмурилась.

— Миледи? — встревожилась мадам Ровен.

— Я вспоминаю.

— Что именно?

— Пока недостаточно.

Она открыла глаза и развернула письмо полностью. На обратной стороне были ещё строки — такие бледные, будто их писали наспех, почти сухим пером.

“Если проснёшься другой — не пугайся.
 Я искала способ спастись.
 Кажется, нашла не тот.”

У Элианы похолодели пальцы.

Проснёшься другой.

Прежняя хозяйка тела знала? Или догадывалась? Она искала способ спастись и в итоге... что? Призвала её? Поменялась с ней местами? Умерла, уступив тело?

Комната вдруг стала тесной.

— Мадам Ровен, — медленно сказала Элиана, — что со мной случилось вчера после галереи?

— Вас нашли без сознания рядом с леди Селестой.

— Рядом?

— Да.

— Кинжал был у меня в руке?

— Нет.

Элиана подняла голову.

— Но герцог сказал...

— Герцог видел то, что ему показали.

Вот оно.

Первая трещина в красивой лжи.

— Объясните.

Мадам Ровен подошла к двери, прижалась ухом, прислушалась, а потом вернулась к ней. Теперь она говорила совсем тихо.

— Когда прибежала стража, вы лежали на полу. Леди Селеста сидела у колонны и держалась за плечо. Кинжал был между вами. Но потом появился лорд Астер и поднял его платком.

— Лорд Астер?

Имя было знакомым. Элиана напрягла память.

В романе лорд Астер был другом Кайрена. Золотой мальчик двора, весёлый циник, любитель дам. Кажется, именно он потом свидетельствовал против Элианы на суде.

— Он сказал, что видел, как вы напали.

— А вы?

— Я видела только то, что было после.

— И вы мне верите?

Мадам Ровен посмотрела на неё странно. Не нежно. Не преданно. Скорее устало.

— Прежней вам — не всегда. Но в одном я была уверена: вы могли кричать, бить фарфор, угрожать, проклинать леди Селесту... но ударить её в спину кинжалом? Нет. Вы слишком горды для такого дешёвого спектакля.

Элиана почти улыбнулась.

Какая сомнительная, но полезная характеристика.

— Значит, меня подставили.

— Да.

— Кто?

— Вопрос не “кто”, миледи. Вопрос — кто достаточно силен, чтобы заставить всех делать вид, будто это правда.

Тишина после этих слов стала особенно тяжёлой.

Элиана посмотрела на чашку.

— И чай связан с этим?

— Розовый чай вам начали давать три месяца назад. После первой встречи леди Селесты с герцогом.

Три месяца.

— Что он делает?

— Я не лекарь.

— Но подозреваете.

— После него вы становились раздражительной. Потом забывчивой. Потом начали видеть то, чего не было. Слышать голоса. Иногда не помнили целые часы. Я пыталась сказать герцогу, но...

— Он решил, что я схожу с ума.

Мадам Ровен промолчала.

И этим подтвердила.

Элиана почувствовала, как внутри поднимается злость. Не истеричная, не горячая — холодная. Собранная. В прежней жизни она тоже слышала: “Ты слишком остро реагируешь”, “Ты всё выдумываешь”, “Ты не так поняла”. Андрей годами приучал её сомневаться в собственных глазах.

А здесь Элиану, похоже, травили так же.

Только изящнее.

В фарфоровой чашке.

— Прекрасно, — сказала она.

— Что именно, миледи?

— Теперь я хотя бы знаю, с чего начать.

Элиана встала. На этот раз слабость почти победила: пол качнулся под ногами, но она ухватилась за спинку кресла.

— Мне нужна чистая чашка. Пустой флакон. И кто-нибудь, кому можно поручить проследить за Нирой.

Мадам Ровен посмотрела на неё уже не как на больную.

Как на хозяйку.

— Вы хотите сохранить чай?

— Хочу узнать, что в нём.

— Это опасно.

— Опаснее пить его?

Женщина склонила голову.

— Я всё сделаю.

— И ещё. Никому не говорить, что я читала письмо.

— Даже герцогу?

Элиана вспомнила глаза Кайрена. Серые, холодные, внимательные. Слишком умные, чтобы быть безопасными.

— Особенно герцогу.

Мадам Ровен кивнула, но уйти не успела.

За дверью раздались шаги.

Не тяжёлые, как у Кайрена. Лёгкие. Торопливые. Мягкие.

Потом нежный женский голос:

— Леди Элиана? Я могу войти?

Мадам Ровен побледнела так резко, что Элиана поняла прежде, чем дверь открылась. Селеста.

Она вошла без разрешения.

Разумеется.

Хрупкая девушка в светло-голубом платье, с золотистыми волосами, уложенными так небрежно, будто сама невинность заплела ей косы. Лицо бледное, глаза большие, влажные. На плече — белая повязка, слишком аккуратно выглядывающая из-под кружева. Раненая голубка. Мечта читательниц. Будущая герцогиня.

В романе Марина ей почти сочувствовала.

Сейчас — нет.

Сейчас она заметила другое: Селеста вошла в комнату женщины, которая якобы пыталась её убить, без страха. Без стражи. Без дрожи. Даже без осторожности.

Очень смелая жертва.

Или очень уверенный хищник.

— Миледи, — Селеста прижала руку к груди. — Я услышала, что вы очнулись, и не смогла остаться в стороне.

Элиана молчала.

Мадам Ровен шагнула вперёд.

— Леди Селеста, госпоже нужен покой.

— Я ненадолго, — мягко сказала та. — Я лишь хочу убедиться, что она здорова. Мы ведь все так испугались.

“Мы”.

Какое удобное слово.

Элиана медленно взяла чашку с розовым чаем и поднесла к губам.

Мадам Ровен едва заметно дёрнулась, но сдержалась.

Селеста же смотрела.

Очень внимательно.

Слишком внимательно.

Элиана сделала вид, что собирается отпить, затем остановилась.

— Хотите? — спросила она.

Селеста моргнула.

— Что?

— Чай. Вы выглядите бледной. Ранение, переживания... Вам стоит согреться.

На лице Селесты не изменилось почти ничего. Только пальцы на мгновение сжались в складках платья.

— Благодарю, но это ваш лечебный чай.

— Ах да. Лечебный.

Элиана поставила чашку обратно.

— Странно, что вы не боитесь оставаться со мной в одной комнате.

Селеста опустила глаза.

— Я не верю, что вы хотели меня убить.

Мадам Ровен резко посмотрела на неё.

Элиана наклонила голову.

— Правда?

— Конечно. Вы были не в себе. Все это знают. Болезнь, отчаяние, любовь... Иногда сердце женщины не выдерживает.

Вот оно.

Нежное лезвие под кружевом.

Элиана улыбнулась.

— Любовь?

— Простите, я не хотела причинить вам боль.

— Тогда почему причиняете?

Селеста подняла глаза. В них блеснули слёзы, но за этой влагой на секунду мелькнуло раздражение.

Быстро.

Почти незаметно.

Но Элиана увидела.

— Я пришла с миром, — сказала Селеста.

— В мою спальню? После того как меня обвинили в нападении на вас? Как благородно.

— Я хотела попросить герцога смягчить наказание.

— Неужели?

— Да. Я не держу на вас зла.

Элиана сделала шаг к ней.

Селеста была чуть ниже. Мягче. Светлее. Всем своим видом она будто была создана для того, чтобы рядом с ней Элиана казалась тёмным пятном.

Но теперь пятно умело говорить.

— Как великодушно с вашей стороны, леди Селеста. Вы пришли сказать женщине, которую подставили, что простили её за преступление, которого она не совершала.

Селеста застыла.

Мадам Ровен задержала дыхание.

— Подставили? — тихо переспросила Селеста.

— А разве нет?

— Миледи, вы были там. Вы держали кинжал.

— Нет, — сказала Элиана. — Не держала.

На лице Селесты мелькнуло что-то острое.

Испуг?

Нет.

Расчёт.

— Вы... вспомнили?

Элиана медленно улыбнулась.

Вот и первая ошибка, милая голубка.

— А вы боитесь, что вспомнила?

В этот момент за дверью раздался голос:

— Я тоже хотел бы услышать ответ.

Кайрен стоял на пороге.

Чёрный мундир. Серебряные застёжки. Спокойное лицо.

И глаза, которые видели слишком много.

Селеста мгновенно изменилась. Её плечи чуть опустились, губы дрогнули, взгляд стал беспомощным. Она повернулась к нему, и вся комната будто должна была понять: вот жертва, вот защитник, вот злодейка.

— Ваша светлость, — прошептала она. — Я не хотела тревожить леди Элиану. Я лишь...

— Вышли без сопровождения из лазарета, чтобы навестить женщину, обвинённую в покушении на вас, — закончил Кайрен. — Очень неосмотрительно.

Селеста побледнела.

Не такого ответа она ждала.

Элиана тоже.

Кайрен подошёл ближе. Его взгляд скользнул по чашке, по записке, которую Элиана успела спрятать под ладонью, по лицу мадам Ровен, потом остановился на ней.

— Как я вижу, болезнь не мешает вам принимать гостей.

— А ваша охрана не мешает гостям входить без приглашения.

— Это упрёк?

— Наблюдение.

Селеста тихо всхлипнула.

— Простите. Я не хотела стать причиной новой ссоры между вами.

Элиана почти восхитилась.

Какая тонкая работа. Виновата не она, виновата “ссора между супругами”. Не обвинение в покушении, не чай, не ложь — всего лишь семейная сцена.

Кайрен посмотрел на Селесту.

— Вернитесь в лазарет.

— Но...

— Сейчас.

Голос не повысился. Но спорить с ним было невозможно.

Селеста присела в лёгком реверансе. Проходя мимо Элианы, она остановилась на полсекунды и прошептала так тихо, что слышала только она:

— Не играйте в умную, миледи. Вам это не идёт.

Элиана не дрогнула.

— А вам не идёт кровь, леди Селеста. Даже чужая.

Селеста подняла глаза.

И вот теперь маска треснула.

Совсем чуть-чуть.

Под нежностью мелькнула ненависть.

Потом дверь закрылась.

Кайрен молчал.

Мадам Ровен стояла у стены, будто готовилась к приговору.

Элиана понимала: сейчас будет вопрос. Неприятный. Опасный. Возможно, смертельный.

Но герцог сказал совсем другое:

— Вы не выпили чай.

Элиана медленно повернулась к нему.

— Наблюдение?

— Упрёк.

— Мне следует оправдаться за то, что я не хочу пить?

— Вам следует объяснить, почему вы поднесли чашку к губам только тогда, когда леди Селеста вошла в комнату.

Он видел.

Конечно, видел.

Элиана взяла чашку и посмотрела на розовую поверхность.

— Может быть, мне просто нравится драматический эффект.

Кайрен подошёл ближе.

— Или вы знаете, что с чаем что-то не так.

Мадам Ровен едва заметно напряглась.

Элиана подняла глаза.

— А вы знаете?

Впервые за всё время на лице Кайрена исчезла насмешка.

Совсем.

Он протянул руку.

— Дайте чашку.

— Зачем?

— Проверить.

— У вас есть человек, которому вы доверяете?

— Есть.

— А у меня пока нет.

И это была правда.

Кайрен смотрел на неё долго. Очень долго.

Потом неожиданно снял с пальца перстень с чёрным камнем и положил на стол между ними.

— Тогда начните с залога.

Элиана опустила взгляд на перстень.

— Что это?

— Печать рода Вейр. С ней вы можете приказать любому слуге в этом доме. Один раз. До заката.

Мадам Ровен тихо ахнула.

Элиана не прикоснулась к перстню.

— Почему?

— Потому что я хочу узнать, кто в моём доме травит мою жену.

Слова ударили сильнее, чем она ожидала.

Мою жену.

Не “обвиняемую”. Не “безумную”. Не “проблему”.

Жену.

Но доверять этому было нельзя.

Особенно этому.

Элиана взяла перстень. Чёрный камень оказался ледяным.

— А если окажется, что никто?

— Тогда я признаю, что вы просто искусно играете.

— А если окажется, что я права?

Кайрен наклонился к ней чуть ближе.

— Тогда, миледи, у вас появится куда большая проблема, чем моя ненависть.

— Какая же?

Он посмотрел на чашку с розовым чаем.

— Моя заинтересованность.

Элиана почувствовала, как по спине пробежал холод.

И в этот момент за окном, где серел зимний двор замка, раздался крик.

Не женский.

Мужской.

Резкий, оборванный.

Мадам Ровен бросилась к окну. Элиана шагнула следом и замерла.

Внизу, у фонтана, на снегу лежала девушка в форме служанки. Тело было странно вывернуто, тёмные волосы рассыпались по белому, как чернила.

Рядом валялся поднос.

А вокруг снега расплывалось красное пятно.

— Нира, — прошептала мадам Ровен.

Элиана сжала в ладони перстень так сильно, что камень впился в кожу.

Служанка, которая принесла розовый чай, была мертва.

Кайрен стоял за её спиной.

— Похоже, — тихо сказал он, — кто-то очень не хочет, чтобы вы дожили до ужина.

Элиана смотрела на кровь на снегу и вдруг поняла: игра началась гораздо раньше, чем она думала.

И прежняя Элиана проиграла не потому, что была злодейкой.

А потому что слишком поздно поняла, что все вокруг уже сделали свои ходы.

Глава 4. Кровь на снегу

Снег умел скрывать грязь.

Элиана поняла это, когда смотрела из высокого окна на тело служанки у фонтана. Белый двор казался почти праздничным: резные карнизы, застывшие розовые кусты, мраморные статуи в снежных шапках, холодный свет утра.

И посреди этой красоты — тёмное пятно крови.

Оно расползлось медленно, жадно, будто сам замок пил жизнь девушки.

Нира лежала лицом в сторону окна восточного крыла. Издалека нельзя было различить выражение её лица, но Элиане почему-то казалось: мёртвая служанка смотрит прямо на неё.

“Ты следующая”.

Пальцы сами сжались вокруг перстня герцога. Чёрный камень врезался в ладонь.

— Закрывать ворота, — резко приказал Кайрен.

Голос его был тихим, но мадам Ровен вздрогнула так, будто по комнате ударил гром.

— Ваша светлость...

— Немедленно.

Он уже шёл к двери. Не бежал, не суеился — двигался быстро и бесшумно, как человек, привыкший отдавать приказы раньше, чем остальные успевают испугаться.

На пороге Кайрен обернулся.

— Вы остаётесь здесь.

Элиана медленно повернулась от окна.

— Нет.

Слово вышло спокойным.

Слишком спокойным для женщины, которую только что пытались отравить, а потом избавились от возможной свидетельницы.

Кайрен посмотрел на неё так, как смотрят на человека, добровольно вставшего на край крыши.

— Это не просьба.

— А мой ответ — не каприз.

— Внизу мёртвая служанка.

— Именно поэтому я иду.

— Вы едва держитесь на ногах.

— Зато, в отличие от Ниры, ещё могу говорить.

Мадам Ровен тихо втянула воздух.

Герцог замер. На его лице не дрогнул ни один мускул, но Элиана вдруг поняла: он зол. Не шумно, не горячо — смертельно. В прежней жизни Андрей злился громко: хлопал дверями, бросал слова, давил виной. Кайрен злился так, что вокруг становилось холоднее.

— Вы не понимаете, в каком положении находитесь, — сказал он.

Элиана усмехнулась.

— Понимаю лучше, чем хотелось бы. Меня обвиняют в покушении. Меня могли травить несколько месяцев. Служанка, которая принесла чай, умерла через несколько минут после того, как её имя прозвучало в моей спальне. Если я останусь здесь, мне принесут новый чай. Или подушку. Или красивую ленту, чтобы я “сама” повесилась от раскаяния.

Кайрен молчал.

— Так что нет, ваша светлость. Я не останусь в комнате ждать, пока кто-нибудь решит, что удобнее: безумная вдова или мёртвая жена.

— Вы не вдова.

— Пока нет.

В его глазах мелькнуло что-то острое.

— Это угроза?

— Наблюдение.

Он чуть склонил голову.

— Вы слишком часто прячетесь за этим словом.

— А вы слишком часто путаете власть с правотой.

Мадам Ровен закрыла глаза, будто мысленно попрощалась с ней.

Но Кайрен не вспыхнул.

Он медленно подошёл к Элиане, остановился совсем близко и протянул руку.

На мгновение она решила, что он заберёт перстень.

Вместо этого герцог застегнул верхнюю пуговицу её воротника.

Жест был быстрым, сухим, почти безличным. Но от неожиданности Элиана не сразу смогла вдохнуть.

— Во дворе холодно, — сказал он. — И если вы упадёте в обморок над трупом, мне придётся снова выслушивать лекаря.

— Какое трогательное беспокойство.

— Не обольщайтесь. Меня раздражают бесполезные осложнения.

— Тогда вам не повезло с женой.

Кайрен посмотрел ей в глаза.

— Это я уже понял.

По лестнице Элиана спускалась, цепляясь рукой за перила.

Замок Вейр внутри оказался мрачнее, чем она помнила по роману. Там его описывали как “суровое, но величественное родовое гнездо северного герцога”, место, где страдала нежная Селеста и бесновалась ревнивая Элиана.

На самом деле замок был похож на каменного зверя.

Узкие окна. Длинные коридоры. Чёрные гобелены с серебряными волками. Полы, отполированные до ледяного блеска. Повсюду слуги, которые при виде неё опускали глаза слишком быстро.

Не из уважения.

Из страха.

Или отвращения.

Элиана чувствовала их взгляды спиной. Кто-то шепнул:

— Она вышла...

Другой голос ответил:

— После такого? Как ей не стыдно...

Мадам Ровен шла рядом, каменная и строгая. Кайрен впереди. Двое стражников позади. Процессия получилась почти похоронная.

Только хоронили пока не её.

У выхода во двор Элиана остановилась.

Холод ударил сразу. Острый, чистый, беспощадный. В лёгких зашипало. Снег под туфлями хрустнул так громко, что несколько слуг у фонтана обернулись.

И замолчали.

Все.

Двор был полон людей: стража, конюхи, служанки, двое мужчин в тёмных камзолах, лекарь с кожаной сумкой. И у фонтана — накрытое плащом тело.

Элиана заметила, как кто-то перекрестился местным знаком: двумя пальцами от губ к сердцу.

Когда она подошла ближе, один из стражников попытался преградить путь.

— Миледи, вам не следует...

Кайрен даже не посмотрел на него.

— Отойди.

Стражник отступил.

Элиана присела рядом с телом. Голова закружилась, но она заставила себя не шатнуться.

Нира была молодой. Совсем молодой — лет семнадцать, может восемнадцать. Тёмные ресницы смерзлись от слёз или снега, губы посинели. На шее виднелась тонкая красная полоса, но кровь на снегу шла не оттуда.

— Она упала? — спросила Элиана.

Лекарь, полный мужчина с испуганными глазами, замялся.

— Полагаю, да, миледи. С верхней галереи. Перелом шеи, множественные...

— Я не спрашиваю, что сломалось. Я спрашиваю, она упала сама?

Лекарь бросил взгляд на герцога.

Кайрен стоял в двух шагах. Чёрный на белом. Безупречный, холодный, нечитаемый.

— Отвечайте леди Вейр, — сказал он.

Лекарь сглотнул.

— Следов борьбы при первичном осмотре я не заметил.

Элиана наклонилась ближе.

На правой руке Ниры были царапины. Свежие. Ногти на двух пальцах сломаны. Указательный палец испачкан чем-то тёмным, но не кровью. Скорее чернилами.

— А это? — спросила она.

Лекарь склонился.

— Возможно, получила при падении.

— На внутренней стороне ладони?

Он покраснел.

Элиана подняла взгляд на верхнюю галерею. Узкий каменный балкон соединял северное и восточное крыло. Перила высокие. Чтобы случайно упасть, нужно было либо перелезть, либо чтобы тебя толкнули.

— Где она должна была быть после того, как принесла чай?

Мадам Ровен ответила:

— В нижней кухне, миледи. Служанкам южного крыла запрещено ходить по верхней галерее без поручения.

— Кто дал поручение?

Молчание.

Элиана медленно обвела взглядом слуг.

Все смотрели вниз.

— Я спросила, кто дал поручение Нире подняться на галерею.

Ветер шевельнул край плаща на мёртвой девушке.

Никто не ответил.

Элиана почувствовала, как внутри поднимается ледяное спокойствие. То самое, которое пришло к ней в спальне Андрея. Когда боль была такой большой, что превратилась в ясность.

Она поднялась.

— Хорошо.

Кайрен чуть повернул голову.

— Что вы делаете?

Элиана подняла руку. На пальце блеснул его перстень.

По двору прошёл шёпот.

Кайрен замер.

— Вы сказали, с этой печатью мне подчинится любой слуга в доме. Один раз. До заката.

— Да.

— Тогда вот мой приказ.

Она посмотрела на слуг.

— До полудня каждый, кто видел Ниру после того, как она вышла из моей спальни, явится в малую столовую восточного крыла. Кто промолчит — будет считаться соучастником убийства.

Двор взорвался шёпотом.

Лекарь побледнел. Мадам Ровен смотрела на неё так, будто впервые за много лет увидела в этом доме что-то живое.

Кайрен подошёл ближе.

— Вы только что объявили смерть служанки убийством перед всем двором.

— Да.

— Без доказательств.

— Доказательства появляются там, где люди перестают делать вид, что ничего не видели.

— Вы играете опасно.

Элиана повернулась к нему.

— А раньше я играла безопасно?

Он не ответил.

Потому что они оба знали: раньше Элиана проигрывала.

Малая столовая восточного крыла была совсем не малой.

Длинный дубовый стол, двенадцать стульев, камин высотой почти в человеческий рост, окна в сад, где снег лежал на мёртвых розах. Элиана сидела во главе стола и пыталась не показать, что у неё темнеет в глазах.

Перед ней стояла чашка.

Не с чаем — с чистой водой.

Кайрен занял место у камина. Формально он будто не вмешивался. На деле его присутствие превращало каждое слово в допрос.

Мадам Ровен стояла справа от Элианы с листом имён.

Первой вошла кухонная девочка. Маленькая, рыжая, дрожащая всем телом.

— Имя, — сказала Элиана.

— М-миледи... Тесса.

— Ты видела Ниру после того, как она принесла мне чай?

— Да, миледи.

— Где?

— У лестницы в южное крыло.

— Она была одна?

Девочка замялась.

Элиана положила ладонь на стол. Перстень Кайрена глухо стукнул о дерево.

Тесса всхлипнула.

— Нет.

— С кем?

— С леди Селестой.

Кайрен от камина не двинулся.

Но воздух в комнате изменился.

Мадам Ровен резко подняла глаза.

— Ты уверена? — спросила Элиана.

— Да, миледи. Леди Селеста говорила тихо. Я не слышала всего. Только... только Нира плакала.

— Почему?

— Она сказала: “Я не знала, что госпоже станет хуже”. А леди Селеста ответила...

Девочка замолчала и зажала рот рукой.

— Ответила что? — спросил Кайрен.

Тесса побледнела ещё сильнее.

— “Глупая девочка. Теперь уже поздно бояться”.

В камине треснуло полено.

Элиана смотрела на Тессу и понимала: вот оно. Первая нить. Тонкая, но настоящая.

— Почему ты не сказала об этом сразу?

Девочка разрыдалась.

— Я боялась! Леди Селеста добрая со всеми, её любит герцог, её любит двор, а леди Элиана... простите, миледи... все говорят, что вы...

— Что я безумная злодейка, — закончила Элиана.

Тесса опустила голову.

— Да, миледи.

Странно, но это почти не задело.

Наверное, потому что в прежней жизни её тоже называли истеричкой, когда она просто замечала правду.

— Ты свободна, — сказала Элиана. — Мадам Ровен, проследите, чтобы девочку не наказали.

— Да, миледи.

Тесса бросила на неё быстрый изумлённый взгляд и выбежала.

Следующим был конюх. Потом лакей. Потом прачка. Свидетельства были обрывочными, путанными, испуганными, но картина складывалась.

Нира действительно вышла из спальни Элианы с пустым подносом.

Потом её видели рядом с Селестой.

Потом — на верхней галерее с каким-то мужчиной в сером плаще.

А спустя несколько минут она упала во двор.

— Серый плащ, — повторила Элиана, когда очередной слуга вышел. — Кто в доме носит серый плащ?

Мадам Ровен нахмурилась.

— Таких много, миледи. Придворные, гости, чиновники...

— Лорд Астер? — спросила Элиана.

Кайрен наконец оторвался от камина.

— Почему вы называли его?

— Потому что он поднял кинжал. Потому что он свидетель против меня. Потому что в хорошей истории у случайных людей не бывает столько удобных появлений.

— Это не история.

Элиана посмотрела на него.

— Для вас — нет.

Кайрен чуть сузил глаза.

Она поняла ошибку сразу. Опять сказала слишком много.

Но прежде чем он успел задать вопрос, дверь распахнулась.

Без стука.

Вошла Селеста.

Теперь она была не одна. Рядом с ней шёл молодой мужчина с золотистыми волосами, красивым лицом и лёгкой улыбкой человека, который привык входить куда угодно без разрешения.

Лорд Астер.

Элиана узнала его мгновенно, хотя никогда не видела.

Такие мужчины и в другом мире одинаковы: обаятельные, ухоженные, уверенные в том, что их улыбка является пропуском во все чужие тайны.

— Какая трогательная сцена, — сказал он. — Леди Вейр допрашивает прислугу. Почти как настоящая хозяйка дома.

Мадам Ровен шагнула вперёд.

— Лорд Астер, миледи не приглашала...

— О, я уверен, миледи будет рада. Мы ведь все здесь хотим правды.

Селеста стояла чуть позади него. Бледная, печальная, с повязкой на плече. Идеальная жертва.

Но теперь Элиана видела, как внимательно та смотрит на стол. На список имён. На перстень. На чашку с водой.

И на неё.

— Леди Селеста, — сказала Элиана. — Как ваше ранение?

Та мягко улыбнулась.

— Благодаря заботе его светлости, терпимо.

Укол был рассчитан точно.

Элиана не приняла наживку.

— Как приятно. Тогда вы наверняка в силах ответить на несколько вопросов.

Лорд Астер рассмеялся.

— Осторожнее, леди Вейр. Ещё вчера вы пытались убить бедную девушку, а сегодня уже допрашиваете её? Двор может неправильно понять.

— Двор и так понимает всё неправильно. В этом его главное развлечение.

Кайрен не вмешивался. Он смотрел.

И Элиана уже начинала ненавидеть это его молчаливое наблюдение.

— Ниру нашли мёртвой, — сказала она Селесте. — Служанку, которая принесла мне чай.

Селеста прижала пальцы к губам.

— Какой ужас... Бедная девочка.

— Вы говорили с ней сегодня?

Пауза была крошечной.

Но была.

— Возможно. Я плохо себя чувствовала, всё как в тумане.

— Удобно, — сказала Элиана. — Потеря памяти, кажется, сегодня заразна.

Астер улыбнулся шире.

— Миледи, вы в опасной близости от клеветы.

— А вы в опасной близости от двери, лорд Астер. Ещё шаг — и я попрошу вас ею воспользоваться.

Его улыбка стала тоньше.

Селеста вдруг покачнулась.

— Мне... мне нехорошо.

Астер тут же подхватил её за локоть.

— Видите? — холодно сказал он. — Ваши жестокие вопросы мучают девушку, которую вы уже ранили.

Элиана посмотрела на повязку на плече Селесты.

Белоснежная. Чистая. Слишком чистая.

— Как глубока рана? — спросила она.

Селеста замерла.

— Что?

— Рана. От кинжала. Насколько глубока?

Астер нахмурился.

— Это неприличный вопрос.

— Странно. Обвинять меня в покушении прилично, а спросить о последствиях — нет?

Элиана встала. Медленно, потому что ноги всё ещё не слушались. Но встала.

— Покажите рану.

Селеста побледнела.

На этот раз по-настоящему.

— Миледи, это...

— Неприлично? Жестоко? Бесчеловечно? Выберите слово сами. Но если я пыталась вас убить, у вас должна быть рана. А если рана есть — герцог увидит, насколько она соответствует удару кинжалом.

Астер сделал шаг вперёд.

— Довольно.

Кайрен наконец заговорил:

— Отойдите, Астер.

Тот повернулся к нему.

— Кайрен, ты не можешь всерьёз...

— Отойдите.

В комнате стало тихо.

Селеста смотрела на герцога так, будто он только что предал её.

— Ваша светлость, — прошептала она, — вы тоже мне не верите?

Кайрен долго смотрел на неё.

— Я хочу видеть рану.

Элиана не ожидала, что эти слова доставят ей такое мрачное удовольствие.

Селеста медленно подняла руку к вороту платья.

Её пальцы дрожали.

Астер больше не улыбался.

Мадам Ровен затаила дыхание.

Повязка была закреплена серебряной булавкой. Селеста вынула её. Ткань поползла вниз.

Под ней не было глубокой раны.

Только тонкая царапина у ключицы.

Красная, неглубокая, почти уже затянувшаяся.

Даже не там, где должна быть рана от удара.

Тишина стала такой плотной, что Элиана услышала, как где-то в коридоре капает вода.

Кайрен смотрел на царапину.

Его лицо было страшным.

— Объясните, — сказал он.

Селеста открыла рот, но не издала ни звука.

Астер ответил за неё:

— В суматохе всем могло показаться...

— Всем? — переспросила Элиана. — Или вам?

Он медленно повернул к ней голову.

И впервые посмотрел без улыбки.

В этом взгляде не было светского обаяния.

Только ненависть.

— Вы не знаете, с чем играете, миледи.

Элиана улыбнулась.

— Зато уже знаю, с кем.

В этот момент дверь распахнулась снова.

На пороге появился стражник. Лицо его было серым.

— Ваша светлость, простите... Но у нас срочное донесение.

Кайрен не отводил взгляда от Селесты.

— Говори.

Стражник сглотнул.

— В комнате Ниры нашли письмо. Оно адресовано леди Элиане.

Элиана почувствовала, как сердце ударило в рёбра.

— Принесите, — сказал Кайрен.

Стражник вошёл и протянул сложенный лист.

Не герцогу.

Ей.

Элиана взяла письмо. Бумага была грубой, дешёвой, местами помятой. На ней дрожащим почерком было выведено её новое имя.

Леди Элиане Вейр.

Она развернула лист.

Всего одна фраза.

“Простите меня, миледи. Я не знала, что в чай кладут кровь мёртвого мага.”

Комната качнулась.

Мадам Ровен тихо застонала.

Кайрен побледнел — впервые с момента их встречи.

Даже Астер отступил на шаг.

Элиана подняла глаза.

— Что это значит?

Никто не ответил.

Но по лицам она поняла: здесь знали.

Знали все, кроме неё.

И если розовый чай действительно был замешан на крови мёртвого мага, то её не просто травили.

Её меняли.

Медленно.

Месяцами.

Превращая прежнюю Элиану во что-то, что должно было сломаться, сойти с ума... или открыть дверь для чужой души.

Для неё.

Кайрен шагнул к ней.

— Элиана...

Впервые он произнёс её имя не как обвинение.

Но она отступила.

— Не подходите.

— Вы не понимаете...

— Так объясните.

Он молчал.

И это молчание сказало больше любого признания.

Элиана сжала письмо в руке.

— Вы знали, что такое возможно.

Кайрен не ответил.

— Вы знали, — повторила она тише. — И всё равно решили, что ваша жена просто безумна.

Селеста вдруг прошептала:

— Это невозможно...

Элиана резко повернулась к ней.

— Невозможно? Вы уверены? Или просто надеялись, что Нира умрёт раньше, чем напишет правду?

— Я не...

— Молчите.

Слово прозвучало так, что Селеста действительно замолчала.

Элиана стояла посреди столовой, в чужом теле, среди чужих врагов, с письмом мёртвой служанки в руке — и вдруг почувствовала не страх.

Нет.

Ярость.

Чистую, холодную, почти светлую.

В прошлой жизни её предали в спальне.

В этой — пытались уничтожить в чашке с розами.

Но кое в чём они ошиблись.

Они думали, что призвали жертву.

А получили женщину, которой уже нечего было терять.

— Мадам Ровен, — сказала она, не отрывая взгляда от Селесты. — Подготовьте мою комнату.

— Миледи?

— Не спальню. Кабинет прежней леди Вейр. Если он сохранился.

Старая женщина побледнела.

— Он заперт три месяца.

— Значит, откроем.

Кайрен резко поднял голову.

— Нет.

Элиана посмотрела на него.

— Простите?

— Туда нельзя.

— Мне очень нравится, как в этом доме все запрещают мне входить туда, где, вероятно, лежат ответы.

— Элиана, вы не понимаете...

— Тогда перестаньте повторять это и начните объяснять.

Кайрен подошёл ближе. Его голос стал ниже:

— Ваш кабинет опечатан не мной.

— А кем?

Он помолчал.

— Королевским дознавателем.

Вот теперь тишина стала другой.

Даже Селеста перестала изображать слабость.

Элиана медленно выдохнула.

— Почему?

Кайрен посмотрел ей прямо в глаза.

— Потому что три месяца назад в вашем кабинете нашли тело мага, чьей кровью, судя по всему, вас поили.

Перстень на её пальце вдруг стал ледяным.

— Что?

— Его убили там. На вашем ковре. Вашим кинжалом.

Элиана почувствовала, как мир под ногами снова становится ненадёжным.

Кайрен продолжил:

— И рядом с телом была записка. Вашим почерком.

— Что в ней было?

Он не ответил сразу.

А потом сказал:

— “Я открою дверь, даже если для этого придётся умереть.”

Элиана смотрела на него и понимала: история, в которую она попала, была гораздо страшнее романа.

Прежняя Элиана не просто пыталась спастись.

Она что-то призвала.

И, возможно, этим “что-то” была Марина.

А в коридоре за дверью, совсем близко, кто-то тихо рассмеялся.

Детским голосом.

Хотя детей в замке Вейр, насколько она помнила, не было.

Глава 5. Детский смех

Смех прозвучал тихо.

Не громко, не ясно — будто кто-то провёл ногтем по стеклу за самой дверью.

Детский голос.

Лёгкий. Звонкий. Весёлый.

И от этого веселья у Элианы похолодела спина.

В малой столовой никто не двигался. Даже огонь в камине будто притих. Селеста застыла с приоткрытыми губами, лорд Астер впервые за всё утро потерял своё наглое выражение, мадам Ровен побледнела до серого.

Кайрен медленно повернул голову к двери.

— Кто там?

Ответа не было.

Только длинный коридор за дверью, полумрак, холодный свет из узких окон и едва слышимый шелест — как если бы кто-то маленький босыми ногами пробежал по каменному полу.

Элиана сжала письмо мёртвой Ниры.

“Я открою дверь, даже если для этого придётся умереть.”

Дверь.

Какая дверь?

Та, через которую она пришла в этот мир? Или та, которую прежняя Элиана пыталась открыть чем-то гораздо более страшным, чем отчаяние?

— В замке есть дети? — спросила Элиана.

Её голос прозвучал глухо.

Никто не ответил.

Это молчание было хуже любого “да”.

Она повернулась к мадам Ровен.

— Есть?

Старая женщина опустила глаза.

— Нет, миледи.

— Тогда почему вы все выглядите так, будто знаете, кто смеялся?

Мадам Ровен сжала пальцы на листе имён.

— Потому что это не первый раз.

Кайрен резко посмотрел на неё.

— Ровен.

— Нет, — сказала Элиана.

Одно слово остановило их обоих.

Она сама удивилась, сколько власти оказалось в этом голосе. В голосе женщины, которую все считали сломанной.

— Хватит. С меня достаточно полуправды. Розовый чай. Кровь мёртвого мага. Запертый кабинет. Письмо. Мёртвая служанка. Детский смех в замке, где нет детей. Если вы хотите, чтобы я прожила хотя бы до ужина, начните говорить.

Кайрен смотрел на неё долго.

Слишком долго.

Потом сказал:

— Все выйдите.

Селеста тут же встрепенулась.

— Ваша светлость...

— Все.

— Но мне тоже угрожает опасность. Я ранена, я...

— Ваша рана оказалась царапиной, леди Селеста, — холодно сказал Кайрен. — Не заставляйте меня обсуждать это при слугах.

Лицо Селесты стало белым.

Лорд Астер шагнул к ней, но герцог даже не повернулся.

— Астер, останетесь — я решу, что вы хотите дать показания первым.

Улыбка лорда исчезла окончательно.

— Ты совершаешь ошибку, Кайрен.

— Возможно. Но пока мои ошибки почему-то умирают в моём дворе.

Селеста опустила глаза. На мгновение она снова стала нежной, обиженной, почти прозрачной. Но Элиана уже видела, как под этой прозрачностью шевелится тёмная вода.

Когда дверь за ними закрылась, в столовой остались только трое: Элиана, Кайрен и мадам Ровен.

За окном снег всё ещё падал на кровь Ниры.

Медленно.

Равнодушно.

Кайрен подошёл к столу и опёрся ладонями о столешницу.

— Три месяца назад в замок прибыл маг. Его звали Ордан Сейр.

Элиана вздрогнула.

Имя отозвалось где-то внутри тела, но не её памятью. Чужой. Рваной. Болезненной.

Сухие пальцы. Чёрные чернила. Голос:
 “Вы хотите вернуть то, что у вас украли, миледи?”

Она вцепилась в край стола.

— Я его знала.

— Да, — сказал Кайрен. — Вы сами настояли, чтобы он получил комнату в восточном крыле. Сказали, что он лечит расстройства сна.

— А на самом деле?

— На самом деле Ордан занимался запрещённой магией памяти.

Мадам Ровен тихо перекрестилась местным знаком.

Элиана медленно села. Ноги вдруг перестали держать.

— Памяти?

— Он утверждал, что может вернуть забытое. Стереть ненужное. Разделить разум на части. Перенести воспоминание из одного сосуда в другой.

— Сосуда?

Кайрен не отвёл взгляда.

— Тела.

В груди стало тесно.

Марина вспомнила асфальт. Фары. Дождь. Красную полосу на пальце.

А потом алую спальню.

Розы.

Чужие руки.

— Это невозможно, — прошептала она.

— В нашем мире почти всё невозможное когда-то уже случалось, — сказал Кайрен. — Просто за некоторые вещи потом казнят целыми семьями.

Элиана подняла глаза.

— Вы знали, чем он занимается?

Пауза.

Очень короткая.

Но она была.

— Нет, — сказал Кайрен.

— Лжёте.

Мадам Ровен вздрогнула.

Герцог медленно выпрямился.

— Осторожнее.

— Нет. Я уже была осторожной. Меня всё равно травили, обвиняли и почти казнили. Теперь попробую быть точной. Вы лжёте.

Кайрен смотрел на неё так, будто решал, разозлиться или впервые за долгое время уважить собеседника.

— Я знал, что Ордан не просто лекарь, — сказал он наконец. — Но я не знал, зачем он вам.

— И не спросили?

— Вы не отвечали.

— А вы поверили, что ваша жена вдруг заинтересовалась магом памяти просто ради бессонницы?

— Моя жена, — он произнёс это слово медленно, — к тому времени уже три месяца ненавидела меня настолько, что говорила только через записки или крики.

Элиана замолчала.

В комнате стало слышно, как трещат дрова.

Чужая боль где-то внутри шевельнулась.

Не её. Прежней Элианы.

Кайрен продолжил тише:

— В ночь убийства я получил записку от вас. Там было сказано, что если я хочу узнать правду о Селесте, должен прийти в ваш кабинет после полуночи.

Сердце Элианы ударило сильнее.

— И вы пришли?

— Да.

— Что увидели?

Взгляд Кайрена стал каменным.

— Ордан лежал на ковре. Горло перерезано. Ваш кинжал рядом. Вы стояли у окна в ночной рубашке, вся в крови.

Мадам Ровен закрыла глаза.

Элиана медленно выдохнула.

— И я сказала?

— Вы смеялись.

Детский смех за дверью будто повторился в памяти.

Лёгкий.

Звонкий.

Не её.

— Нет, — прошептала Элиана. — Это была не я.

Кайрен смотрел на неё.

— Тогда я впервые подумал то же самое.

Она подняла голову.

— Что?

— Вы смеялись не своим голосом.

Холод прошёлся по комнате.

Мадам Ровен села на ближайший стул без разрешения. Видимо, даже правила этого дома иногда уступали ужасу.

— Каким? — спросила Элиана.

Кайрен ответил не сразу.

— Детским.

Где-то в коридоре снова скрипнула половица.

Все трое обернулись.

Ничего.

Только тишина.

Но теперь Элиана знала: тишина тоже может притворяться.

— После убийства Ордана кабинет опечатали, — сказал Кайрен. — Королевский дознаватель запретил входить туда до суда. Я пытался добиться права осмотра, но получил отказ.

— Вы герцог. Разве у вас нет власти?

— Не над короной.

— А над женой была?

Он посмотрел на неё резко.

Элиана не отвела глаз.

— Вы решили, что я убийца.

— Я решил, что вы опасны.

— Большая разница.

— Когда человек стоит в крови над трупом мага, разница становится слишком тонкой.

— Удобно, — сказала она. — Особенно если не хочется искать настоящего убийцу.

Кайрен ударил ладонью по столу.

Не громко.

Но достаточно, чтобы мадам Ровен вздрогнула.

— Вы думаете, я не искал?

В его голосе впервые прорвалось что-то живое. Не холод, не насмешка, не контроль. Ярость. Усталость. Боль, которую он тут же попытался спрятать, но не успел.

Элиана замерла.

— Я три месяца переворачивал этот дом, — сказал он низко. — Допрашивал слуг. Проверял письма. Отправлял людей за каждым, кто был связан с Орданом. А вы тем временем пили чай, кричали по ночам, забывали моё имя, называли меня то предателем, то спасителем и каждый раз, когда я подходил ближе, просили не отдавать вас “ребёнку за дверь”.

Элиана почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

— Я так говорила?

— Да.

Мадам Ровен прошептала:

— Ваша светлость...

Кайрен замолчал, будто сказал больше, чем собирался.

Элиана медленно приложила ладонь к груди.

Внутри было чужое сердце.

Но страх стал её собственным.

— Какому ребёнку?

— Я не знаю.

— Дети раньше жили в замке?

Мадам Ровен подняла на неё глаза.

И вот теперь Элиана поняла: жила.

Не в романе. Не на страницах красивой истории о герцoge и Селесте.

В настоящем доме Вейр была тайна, которую автор либо скрыл, либо сам не знал.

— Говорите, — сказала она.

Мадам Ровен посмотрела на Кайрена.

Тот долго молчал. Потом кивнул.

Старая женщина сжала руки.

— У прежнего герцога была дочь. Младшая сестра его светлости. Леди Мира.

Элиана перевела взгляд на Кайрена.

Его лицо ничего не выражало.

Именно поэтому стало ясно: это больно.

— В ром... — она вовремя остановилась. — В истории рода Вейр о ней не говорили.

— О ней запретили говорить, — сказала мадам Ровен. — После пожара.

— Какого пожара?

— В восточном крыле. Двадцать лет назад. Леди Мире было семь.

Семь.

Детский смех.

Босые шаги.

“Ребёнок за дверью”.

Элиана почувствовала, как в висках начинает стучать.

— Она погибла?

Мадам Ровен опустила глаза.

— Тела не нашли.

Кайрен резко отошёл к окну.

Так вот где была трещина в его броне.

Не Селеста.

Не Элиана.

Мёртвая или исчезнувшая сестра.

— И вы думаете, это она смеётся в коридорах? — спросила Элиана.

— Я ничего не думаю, миледи, — сказала мадам Ровен. — Думающие люди в этом доме редко доживают до старости.

— Но прежняя я думала иначе.

Кайрен повернулся.

— Что вы хотите сказать?

— Ордан занимался памятью. Меня поили его кровью. Я слышала детский смех. В моём кабинете убили мага. Там же нашли записку про дверь. Ваша сестра исчезла за дверью восточного крыла двадцать лет назад. Слишком много совпадений для одного замка.

Кайрен молчал.

И в этом молчании рождалось решение.

Элиана встала.

— Мы идём в кабинет.

— Нет.

— Да.

— Вы слышали, что я сказал? Он опечатан короной.

Она подняла руку с его перстнем.

— До заката любой слуга подчинится мне один раз. Двери тоже считаются слугами дома?

— Не играйте словами.

— Я не играю. Я пытаюсь понять, почему кто-то убивает людей, чтобы я не узнала правду.

— Вы всё ещё под обвинением.

— Тогда вам тем более выгодно доказать, что я лгу. Откройте кабинет.

— Это нарушение королевского приказа.

— А травить герцогиню кровью мага — соблюдение этикета?

Мадам Ровен тихо сказала:

— Миледи права.

Кайрен посмотрел на неё так, что другая служанка, наверное, рухнула бы в обморок. Мадам Ровен выдержала.

— Если ответы есть, они там, ваша светлость. И если мы не откроем дверь сейчас, к вечеру может умереть кто-то ещё.

Кайрен перевёл взгляд на Элиану.

— Вы понимаете, что, если в кабинете найдётся ещё одно доказательство против вас, я не смогу вас защитить?

— А вы собирались?

Вопрос вырвался слишком быстро.

Они оба замолчали.

Что-то изменилось. Незаметно, опасно.

Ещё утром он был её палачом.

Теперь стоял между ней и комнатой, куда боялся её пустить.

— Не заставляйте меня жалеть, что я дал вам печать, — сказал он наконец.

— Не заставляйте меня жалеть, что я решила вам почти доверять.

— Почти?

— Не обольщайтесь, ваша светлость. Это пока не доверие. Это нехватка других подозреваемых.

Впервые уголок его губ едва заметно дрогнул.

Но улыбка исчезла так быстро, что она могла показаться.

— Идёмте, — сказал Кайрен.

Восточное крыло оказалось холоднее остального замка.

Здесь почти не ходили слуги. Пыль лежала на подоконниках тонким серым слоем. Гобелены были сняты, двери закрыты, свечи не горели. Чем дальше они шли, тем сильнее пахло гарью.

Старой.

Въевшейся.

Не пожаром, а памятью о нём.

Элиана шла между Кайреном и мадам Ровен, чувствуя, как тело с каждым шагом становится тяжелее. Будто само место не хотело её пускать.

На стенах иногда встречались тёмные пятна.

Следы огня.

Или чего-то другого.

— Здесь погибла Мира? — спросила она тихо.

Кайрен не ответил.

Зато мадам Ровен сказала:

— Её комнату заперли в ту же ночь. Потом замуровали дверь.

Элиана остановилась.

— Замуровали?

— По приказу прежнего герцога.

— Почему?

Мадам Ровен посмотрела на Кайрена.

Тот сказал:

— Потому что из комнаты продолжали слышать смех.

Элиана больше не задавала вопросов.

Наконец они остановились у массивной двери из тёмного дерева. Поперёк неё были натянута две алые ленты с золотой печатью королевского дознавателя. В центре — знак короны и меча.

Кайрен смотрел на печать так, будто видел перед собой врага.
— После этого пути назад не будет, — сказал он.
Элиана подошла к двери.
На мгновение ей показалось, что за деревом кто-то дышит.
Маленький.
Терпеливый.
Она подняла руку.
Перстень Вейра коснулся печати.
Чёрный камень вдруг нагрелся.
Ленты сами вспыхнули голубым огнём и осыпались пеплом.
Мадам Ровен тихо ахнула.
Кайрен резко схватил Элиану за запястье.
— Что это было?
— Не знаю.
Это была правда.
Но за дверью кто-то тихо засмеялся.
Ближе.
Гораздо ближе.
Дверь приоткрылась сама.
Изнутри пахло пылью, розами и засохшей кровью.
Элиана вошла первой.
Кабинет был нетронут.
Словно убийство произошло вчера.
На ковре у письменного стола темнело огромное бурое пятно. Книжные шкафы стояли раскрытыми. На полу валялись разбитые чернильницы, перья, осколки стекла. У окна — опрокинутое кресло. На стене над камином висел портрет прежней Элианы.
Та же серебряная красота.
Та же гордая линия подбородка.
Но глаза на портрете были не безумными.
Они были испуганными.
Элиана подошла ближе.
Под портретом на каминной полке лежала детская игрушка.
Деревянная лошадка с обгоревшим боком.
Мадам Ровен тихо прошептала:
— Это принадлежало леди Мире.
Кайрен застыл у порога.
Элиана взяла игрушку.
В тот же миг мир провалился.
Она увидела девочку.
Маленькую, черноволосую, в белой ночной рубашке. Девочка стояла посреди пылающей комнаты и смеялась. Но смех был не весёлым.
Страшным.
Сломанным.
Перед ней стоял мужчина без лица и говорил:
— Дверь откроется только изнутри.
Потом девочка повернулась.
Прямо к Элиане.
И сказала:
— Ты пришла вместо неё.

Видение оборвалось.

Элиана пошатнулась. Кайрен успел подхватить её за плечи.

— Что вы видели?

Она хотела ответить, но взгляд упал на письменный стол.

На его нижней панели, почти у пола, были выцарапаны слова.

Не чернилами.

Ногтями.

Свежие.

Хотя кабинет был заперт три месяца.

“МАРИНА, НЕ ОТДАВАЙ ЕЙ ТЕЛО.”

Элиана перестала дышать.

Кайрен проследил за её взглядом.

— Что это значит?

Она не могла говорить.

Не потому что не знала ответа.

А потому что впервые в этом мире увидела своё настоящее имя.

И поняла: кто-то здесь знал о ней раньше, чем она умерла.

Глава 6. Имя на дереве

Кайрен смотрел на выцарапанные слова так, будто они были не на нижней панели стола, а прямо на его коже.

“МАРИНА, НЕ ОТДАВАЙ ЕЙ ТЕЛО.”

Тишина в кабинете стала живой.

Она давила на уши, пряталась в углах, скользила между разбросанными книгами и застыла над бурым пятном на ковре, где три месяца назад умер маг Ордан Сейр.

Элиана не могла отвести глаз.

Марина.

Её настоящее имя.

То самое, которое осталось в другом мире вместе с мокрым асфальтом, красными туфлями Леры, кольцом на туалетном столике и голосом Андрея: “Ты всё равно никуда от меня не денешься”.

Здесь никто не должен был знать это имя.

Никто.

— Что это значит? — повторил Кайрен.

Его рука всё ещё лежала на её плече. Тяжёлая, тёплая, слишком настоящая. Элиана вдруг поняла, что дрожит — не телом даже, а где-то глубже, в самой сердцевине себя.

Она сделала шаг назад, вырываясь из его прикосновения.

— Не знаю.

Ложь прозвучала плохо.

Кайрен услышал.

— Не лгите мне сейчас.

— А вы не приказывайте мне так, будто я ваша солдатка.

— Вы моя жена.

— Удобно вспоминать об этом, когда нужно требовать правду.

Он замолчал.

Мадам Ровен стояла у двери, бледная, сжав пальцы на связке ключей. Её взгляд метался от надписи к Элиане и обратно.

— Миледи, — прошептала она, — кто такая Марина?

Слово ударило сильнее, чем должно было. Чужими губами произнесённое настоящее имя показалось кражей.

Элиана опустила глаза.

Врать было опасно.

Правду говорить — ещё опаснее.

Но надпись уже существовала. Она торчала между ними, как нож.

— Это имя, — сказала она медленно.

Кайрен сузил глаза.

— Чьё?

Она усмехнулась. Сухо, почти беззвучно.

— Моё.

Мадам Ровен охнула.

Кайрен не двинулся.

Только лицо его стало совсем неподвижным.

— Объясните.

Элиана посмотрела на него.

Вот он. Герцог Вейр. Муж женщины, в чьём теле она очнулась. Мужчина, который называл её опасной, безумной, виновной. Человек, способный одной фразой отправить её в подземелье — или, возможно, единственный, кто сейчас мог удержать это тело от того, кто стоял за дверью.

Если дверь вообще была дверью.

— Я не Элиана, — сказала она.

Мадам Ровен пошатнулась и схватилась за косяк.

Кайрен молчал.

Ни крика. Ни проклятий. Ни приказа позвать стражу.

Только взгляд — острый, ледяной, внимательный.

— Продолжайте.

Элиана сжала руки.

— Я не знаю, как это случилось. Я была в другом мире. У меня была другая жизнь. Другое имя. Я умерла. Или думала, что умерла. А потом проснулась здесь, в её теле.

Она не сказала “в теле вашей жены”.

Не смогла.

Кайрен медленно перевёл взгляд на портрет над камином. Прежняя Элиана смотрела с холста гордо и испуганно.

— Когда?

— Сегодня утром.

— Значит, вчера в галерее была ещё она?

— Думаю, да.

— А письмо? Предупреждение о чае?

— Его написала она.

— И надпись?

Элиана посмотрела на стол.

Свежие царапины. Грубые, неровные. Будто кто-то выцарапывал их в спешке, ломая ногти.

— Не знаю.

В этот раз это была правда.

Кайрен подошёл к письменному столу и присел. Провёл пальцами по буквам, но не коснулся их до конца.

— Дерево свежее, — сказал он. — Царапины появились недавно.

— Кабинет был заперт.

— Да.

— Значит, кто-то был внутри.

— Или что-то.

Мадам Ровен перекрестилась.

Элиана резко посмотрела на него.

— Вы верите мне?

— Нет.

Ответ был мгновенным.

И почему-то от него стало легче.

По крайней мере честно.

— Но я верю, что здесь происходит нечто, чего я пока не понимаю, — добавил Кайрен.

— А это гораздо опаснее лжи.

Элиана вдруг почувствовала странное желание рассмеяться.

Вот он весь: даже в невозможном ищет не чудо, а угрозу.

— Спасибо за доверие, ваша светлость.

— Я не доверяю вам.

— Тогда спасибо за то, что пока не зовёте палача.

— Не искушайте.

На секунду между ними мелькнуло что-то почти живое. Не тепло. Нет. Но тонкая трещина в стене, через которую мог пройти воздух.

Потом за стеллажом что-то упало.

Мадам Ровен вскрикнула.

Кайрен мгновенно оказался перед Элианой. Не раздумывая. Просто закрыл её собой, выхватив из-за пояса узкий кинжал.

Элиана замерла.

Глупое сердце почему-то ударило сильнее.

Из-за книг, конечно.

Не из-за того, что мужчина, который час назад угрожал ей казнью, сейчас встал между ней и неизвестностью.

— Кто здесь? — спросил Кайрен.

Ответом был тихий шорох.

Потом с верхней полки медленно съехала книга в чёрном переплёте и рухнула на пол.

Сама.

Кайрен не двинулся.

Элиана выглянула из-за его плеча.

На обложке не было названия. Только знак: круг, перечёркнутый вертикальной линией, похожий одновременно на закрытый глаз и дверную щель.

Мадам Ровен прошептала:

— Миледи, не трогайте.

Разумеется, Элиана наклонилась и подняла книгу.

— Иногда мне кажется, что в этом доме фраза “не трогайте” означает “здесь спрятано самое важное”.

Кайрен бросил на неё недовольный взгляд.

— Осторожнее.

— Я уже почти соскучилась по вашим приказам.

— Это не приказ. Это попытка не дать вам умереть раньше ужина.

— Как заботливо.

— Как практично.

Она открыла книгу.

Страницы были плотными, желтоватыми, исписанными мелким почерком. Не тем, которым писала Элиана. И не почерком Ниры. Вверху первой страницы стояло имя:

Ордан Сейр. Личный журнал опытов.

Мадам Ровен зажала рот рукой.

Кайрен резко приблизился.

— Это должно было быть изъято дознавателем.

— Значит, дознаватель плохо искал.

— Или не хотел найти.

Элиана перелистнула страницу.

Слова прыгали перед глазами, но тело почему-то понимало этот язык легко. Чужое образование, чужая память — полезная и пугающая.

Она читала вслух:

— “Объект В. демонстрирует устойчивую связь с закрытым источником. Не наследственная магия. Не проклятие крови. Скорее, шрам между сосудами...”

— Объект В.? — переспросила мадам Ровен.

Кайрен сказал глухо:

— Вейр.

Элиана листала дальше.

— “После третьего настоя из розового концентрата наблюдаются провалы памяти, эмоциональная нестабильность, слуховые галлюцинации. Объект утверждает, что слышит ребёнка за дверью. Важно: галлюцинации совпадают с историческими показаниями слуг о феномене восточного крыла”.

— Он знал о Мире, — сказал Кайрен.

В его голосе появилась сталь.

Элиана перевернула ещё страницу.

Там между строками были пятна. Бурые.

Кровь?

Она продолжила:

— “Леди Э. требует прекратить опыты. Утверждает, что наняла меня не для вскрытия источника, а для возвращения памяти о ночи пожара. Вероятно, объект не осознаёт масштаб собственной роли. При усилении настоя возможно вытеснение личности и открытие прохода для внешнего сознания”.

Слова кончились.

Не на странице.

В ней.

Внешнее сознание.

Марина.

Она медленно опустила книгу.

— Меня не случайно сюда занесло.

Кайрен посмотрел на неё.

— Похоже, нет.

— Прежняя Элиана искала память о пожаре.

— Да.

— А кто-то использовал это, чтобы открыть проход.

— Возможно.

— Для меня?

— Или для того, кто должен был прийти вместо вас.

Элиана вспомнила видение: девочка в горящей комнате, мужчина без лица, фраза: “Дверь откроется только изнутри”.

И ещё:

“Ты пришла вместо неё.”

В кабинете стало холоднее.

Она тихо сказала:

— Мира.

Кайрен резко поднял глаза.

— Что?

— В видении девочка сказала: “Ты пришла вместо неё”. Возможно, прежняя Элиана пыталась вернуть вашу сестру. Или узнать, что с ней стало. Но дверь открылась не туда.

— Достаточно.

Голос Кайрена стал глухим.

— Нет, не достаточно. Вам может быть больно, но именно эта боль лежит в центре всего. Мёртвый маг. Розовый чай. Моя душа в чужом теле. Селеста. Астер. Всё крутится вокруг восточного крыла и девочки, о которой запретили говорить.

Кайрен резко отвернулся.

— Вы ничего не знаете о Мире.

— Так расскажите.

— Нет.

— Потому что не хотите? Или потому что боитесь вспомнить?

Он повернулся так быстро, что мадам Ровен отступила.

— Осторожно, Марина.

Имя прозвучало в его устах впервые.

Не чуждо.

Не насмешливо.

Опасно.

У Элианы перехватило дыхание.

— Не называйте меня так, если собираетесь угрожать.

— Тогда не касайтесь того, чего не понимаете.

— Я проснулась в теле вашей жены, которую травили кровью мага. Думаю, право касаться непонятного я уже получила.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Слишком близко к ссоре.

Слишком близко к правде.

Потом мадам Ровен тихо сказала:

— Ваша светлость... посмотрите.

Она стояла у стены за письменным столом. Там, почти у самого пола, за упавшей портьерой, обнаружилась тонкая вертикальная щель.

Не трещина.

Дверца.

Элиана подошла.

Кайрен попытался остановить её, но она подняла руку.

— Нет. Вы сами видите.

Она нажала на край деревянной панели.

Ничего.

Тогда приложила к ней перстень Вейра.

Панель щёлкнула.

И открылась.

За ней была маленькая ниша, а в нише — металлическая шкатулка, почерневшая от времени. На крышке тот же знак: круг и вертикальная линия.

Элиана достала её.

Шкатулка оказалась тяжёлой.

— Ключа нет, — сказала мадам Ровен.

Кайрен протянул руку.

— Дайте.

— Нет.

— Марина.

— Элиана, — резко сказала она. — Пока я в этом теле, называйте меня так. Иначе я сама перестану понимать, кто я.

Он замолчал.

И неожиданно кивнул.

— Хорошо. Элиана. Дайте шкатулку.

Она протянула её, но не выпустила.

— Вместе.

Кайрен посмотрел ей в глаза.

Потом положил свою ладонь поверх её руки.
Перстень нагрелся снова. Чёрный камень вспыхнул слабым синим светом.
Замок открылся.
Внутри лежали три вещи.
Детская лента, обгоревшая с одного края.
Серебряная пуговица от мужского мундира.
И маленький портрет.
Элиана взяла портрет первой.
На нём была девочка лет семи. Чёрные волосы, серые глаза, упрямая улыбка.
Мира.
Рядом с ней стоял мальчик лет двенадцати. Серьёзный, худой, уже тогда слишком взрослый.
Кайрен.
Элиана подняла взгляд на него.
Он смотрел на портрет так, будто перед ним открыли старую могилу.
— Она любила лошадей, — вдруг сказал он тихо. — И пряталась в шкафах, когда не хотела идти на уроки. Отец злился. Мать плакала. А Мира смеялась. Всегда смеялась.
Мадам Ровен отвернулась.
Кайрен забрал портрет. Его пальцы были напряжены.
— В ночь пожара я должен был присматривать за ней.
Элиана не произнесла ни слова.
Иногда молчание — единственная милость.
— Мне было двенадцать, — продолжил он. — Я злился. Хотел на тренировку, а не сидеть с ребёнком. Она просила показать ей старую комнату с зеркалами в восточном крыле. Я сказал нет. Она всё равно убежала.
Он закрыл глаза.
— Я нашёл дверь открытой. Внутри уже был огонь. Она смеялась. Я слышал. Но войти не смог. Меня вытащили слуги. А потом дверь исчезла.
— Что значит исчезла?
— Комната с зеркалами. Наутро её не было. Только глухая стена.
Элиана почувствовала, как ледяной палец прошёл по позвоночнику.
Дверь, которую замуровали.
Дверь, которая открывается изнутри.
— Ваш отец знал? — спросила она.
Кайрен открыл глаза.
— Он приказал всем молчать. Сказал, что Мира погибла. Что тело сгорело. Но тела не было.
— А серебряная пуговица? — тихо спросила мадам Ровен.
Элиана взяла пуговицу.
На ней был герб — не волк Вейров.
Корона и меч.
Знак королевского дознавателя.
— Это было в комнате после пожара? — спросила Элиана.
Кайрен смотрел на пуговицу.
— Дознавателя тогда не было в замке.
— Значит, был кто-то в его мундире.
— Или сам дознаватель, о котором нам солгали.
Элиана почувствовала, как части складываются в картину. Неполную. Страшную.
— Кто сейчас ведёт дело против меня?

Кайрен ответил не сразу.
— Главный королевский дознаватель Ренвик Тор.
Мадам Ровен побледнела.
— Его отец служил при прежнем короле, — сказала она. — Двадцать лет назад.
Элиана сжала пуговицу.
— Дверь открыли не мы.
Кайрен посмотрел на неё.
— Что?
— Двадцать лет назад кто-то уже открыл дверь. Мира исчезла. Теперь кто-то пытается открыть её снова. Через Элиану. Через меня.
В этот момент в коридоре раздались шаги.
Быстрые.
Много шагов.
Кайрен мгновенно убрал портрет и пуговицу за пазуху, захлопнул журнал Ордана и сунул его Элиане.
— Под платье. Быстро.
Она не стала спорить. Спрятала книгу в складках тяжёлой юбки за корсетом.
Дверь кабинета распахнулась.
На пороге стоял высокий мужчина в тёмно-синем мундире. На груди — серебряный знак короны и меча.
За ним — четверо стражников.
И Селеста.
Лицо её было печальным, но глаза сияли.
— Герцог Вейр, — сказал мужчина. — Вы нарушили королевскую печать.
Кайрен выпрямился.
— Дознаватель Тор. Как неожиданно быстро вы прибыли.
Ренвик Тор улыбнулся тонко.
— В замке смерть служанки, покушение на леди Селесту и обвиняемая герцогиня вскрывает опечатанный кабинет. Я бы сказал, прибыл поздно.
Его взгляд скользнул к Элиане.
И она почувствовала, как внутри всё сжалось.
Этот голос.
Она слышала его в видении.
Мужчина без лица говорил девочке у горящей двери:
“Дверь откроется только изнутри.”
Элиана сделала шаг назад.
Дознаватель заметил.
— Леди Вейр, — мягко произнёс он. — Вы выглядите так, будто увидели призрака.
Селеста опустила глаза, пряча улыбку.
Кайрен встал между ними.
— Моя жена больна. Допрос будет позже.
— Нет, ваша светлость. Допрос будет сейчас.
Тор поднял руку.
Стражники вошли в кабинет.
— Леди Элиана Вейр, именем короны вы задержаны по подозрению в убийстве мага Ордана Сейра, покушении на леди Селесту Арден и использовании запрещённой магии переселения души.
Мадам Ровен вскрикнула.
Кайрен шагнул вперёд.

— Только попробуйте коснуться её.
Дознаватель улыбнулся шире.
— Осторожнее, герцог. Защита одержимой женщины может быть расценена как измена.
Элиана медленно подняла голову.
Одержимой.
Вот как они это назовут.
Не жертва.
Не свидетель.
Одержимая.
Очень удобно: всё, что она скажет, будет бредом. Всё, что вспомнит, — доказательством чужой души. Всё, что найдёт, — плодом запретной магии.
Селеста сделала шаг вперёд.
— Элиана, — сказала она мягко. — Не сопротивляйтесь. Так будет лучше для всех.
Элиана посмотрела на неё.
И вдруг улыбнулась.
Спокойно.
Почти ласково.
— Для всех?
Селеста замерла.
— Нет, дорогая. Для всех уже не получится.
Она повернулась к дознавателю.
— Я пойду с вами.
Кайрен резко посмотрел на неё.
— Элиана.
Она не отвела глаз от Тора.
— Но при одном условии.
Дознаватель усмехнулся.
— Вы не в положении ставить условия.
— Ошибаетесь. Я в положении женщины, которую вы обвиняете в переселении души.
А значит, если я начну говорить прямо сейчас при всех, вам придётся объяснять, откуда королевский дознаватель знает то, что было выцарапано в запёртом кабинете до его прибытия.
Улыбка Тора дрогнула.
Едва заметно.
Но дрогнула.
Кайрен увидел.
Селеста тоже.
Элиана сделала шаг к нему.
Стражники напряглись, но она не остановилась.
— Вы слишком быстро назвали обвинение, дознаватель. Убийство мага — понятно.
Покушение — ожидаемо. Но переселение души? Откуда вы узнали?
Тор молчал.
Теперь улыбалась уже она.
— Или вы ждали не меня?
В кабинете стало так тихо, что слышно было, как за стеной снова раздался детский смех.
Тор побледнел.
На этот раз заметно.
А Элиана поняла: он тоже слышит.

Глава 7. Дознаватель, который слышал смех

Детский смех прошёл сквозь стену, как холод сквозь тонкую ткань.

Тихий.

Звонкий.

Невозможный.

Элиана смотрела на дознавателя Тора и впервые за всё утро видела перед собой не уверенного слугу короны, не человека с правом арестовать герцогиню, а мужчину, который испугался.

Не её.

Не Кайрена.

Того, что засмеялось за стеной.

Ренвик Тор побледнел всего на мгновение, но этого хватило. Его пальцы дрогнули на рукояти шпаги. Взгляд метнулся к глухой стене, туда, где, если верить Кайрену, когда-то исчезла комната с зеркалами.

Селеста тоже услышала.

Она не побледнела. Наоборот, её лицо стало странно неподвижным, будто маска, которую забыли оживить. Только губы сжались в тонкую линию.

Лорд Астер, стоявший за её плечом, сделал шаг назад.

Значит, слышали все.

— Забавно, — сказала Элиана тихо. — В замке, где нет детей, слишком многие узнают этот смех.

Кайрен стоял рядом, закрывая её собой наполовину. Но Элиана теперь уже не хотела прятаться. Не после того, как увидела страх в глазах Тора.

Страх — это трещина.

А трещины созданы для того, чтобы в них вонзать нож.

— Леди Вейр, — произнёс дознаватель, снова собирая лицо в вежливую холодность, — ваше состояние подтверждает обвинение. Вы слышите голоса, видите знаки, приписываете окружающим собственные бредовые фантазии.

— Мои фантазии только что напугали вас до белых губ.

— Осторожнее.

— Вы уже второй мужчина сегодня, который говорит мне это слово. Начинаю думать, оно означает: “Прошу, не задавайте правильных вопросов”.

Селеста мягко шагнула вперёд.

— Элиана, вы только вредите себе. Никто не желает вам зла.

Мадам Ровен издала короткий, почти неприличный смешок. Старый, сухой, злой.

Селеста повернула к ней голову.

— Вам весело?

— Простите, леди Селеста, — мадам Ровен склонилась, но в её глазах не было ни капли покорности. — Просто в этом доме фраза “никто не желает вам зла” обычно звучит перед тем, как приносят чай.

Кайрен даже не улыбнулся, но Элиана заметила, как на секунду дрогнул уголок его рта.

Тор резко поднял руку.

— Достаточно. Леди Вейр будет доставлена в северную башню до суда. Кабинет снова опечатать. Все найденные материалы передать короне.

— Какие материалы? — спросила Элиана.

Дознаватель посмотрел на неё.

— Вы вскрыли кабинет не из любопытства.

— Конечно нет. Я искала правду.

— И нашли?

Элиана улыбнулась.

— Пока только доказательство, что вы боитесь детского смеха и слишком много знаете о переселении души.

Лицо Тора потемнело.

— Уведите её.

Стражники двинулись.

Кайрен не обнажил меч. Он просто повернул голову, и те остановились.

Иногда власть не нуждалась в крике. Она жила в позвоночнике человека, в том, как остальные заранее помнят цену непослушания.

— Моя жена не покинет этот кабинет без меня, — сказал он.

Тор усмехнулся.

— Ваша жена обвиняется в преступлениях против короны.

— Тогда я, как глава рода Вейр, сопровожу её на допрос.

— Вы слишком многое себе позволяете, герцог.

— Намного меньше, чем мог бы.

Элиана почувствовала, как воздух между мужчинами натянулся до звона.

Это была не просто личная неприязнь. Здесь было что-то старое. Родовое. Вражда, которую носили под мундиром, как скрытый кинжал.

Дознаватель медленно подошёл ближе.

— Ваш отец тоже думал, что имя Вейр защитит его от последствий.

Лицо Кайрена стало страшно спокойным.

— Не произносите имя моего отца в моём доме.

— В доме, где двадцать лет назад пропал ребёнок? Где три месяца назад убили мага? Где ваша жена открыла печать короны запрещённой родовой магией? Не уверен, что это всё ещё ваш дом, герцог.

Элиана поняла: Тор провоцирует.

Он хотел, чтобы Кайрен сорвался. Ударил. Угрожал короне. Сделал хоть что-то, что позволит объявить его соучастником.

Она шагнула вперёд и положила ладонь Кайрену на рукав.

Тот даже не посмотрел на неё, но замер.

— Ваша светлость, — сказала она мягко, почти насмешливо, — не доставляйте дознавателю такого удовольствия. Он слишком старательно просит вас стать глупее.

Секунда.

Вторая.

Кайрен медленно выдохнул.

Тор перевёл взгляд на её руку на рукаве герцога.

Селеста тоже.

И в её глазах мелькнуло то самое, что Элиана ждала: ревность.

Не боль обиженной девушки.

Не страх жертвы.

Злая, собственническая ревность женщины, которой пообещали чужое место, а оно вдруг задвигалось под ногами.

Прекрасно.

Значит, у “святой” Селесты тоже есть слабость.

— Леди Вейр, — сказал Тор, — вы пойдёте добровольно или мне приказать связать вас?

Элиана посмотрела на него.

— Добровольно.

— Мудро.

— Но не к вам.

Дознаватель прищурился.

— Что?

Она повернулась к Кайрену.

— В вашем доме есть храм?

— Есть старая часовня.

— Она подчиняется короне?

— Нет. Земли Вейр. Освящены до присоединения Севера.

— Прекрасно.

Тор резко шагнул вперёд.

— Вы не имеете права требовать убежища.

— А я не требую убежища. Я требую проверки.

— Какой ещё проверки?

Элиана вспомнила журнал Ордана, спрятанный под платьем. “Вытеснение личности”. “Внешнее сознание”. “Открытие прохода”. Если они позволят Тору забрать её сейчас, журнал найдут, уничтожат, а её объявят одержимой прежде, чем она поймёт правила игры.

Нужно было выиграть время.

И сделать это так, чтобы отказ выглядел подозрительно.

— Вы обвиняете меня в переселении души, — сказала она. — Значит, должны доказать, что я не Элиана Вейр. В вашем мире есть способ проверить душу?

Молчание.

Кайрен медленно повернул к ней голову.

Мадам Ровен прижала пальцы к губам.

Селеста побледнела.

А Тор впервые не нашёл ответа сразу.

Значит, способ есть.

— Есть, — сказал Кайрен.

Его голос был низким.

— Клятва крови перед северным алтарём.

— Ваша светлость, — резко сказала мадам Ровен, — это опасно.

— Что она делает? — спросила Элиана.

Кайрен смотрел на неё так, будто хотел остановить, но уже понимал, что поздно.

— Алтарь принимает только кровь законного члена рода. Если в теле чужая душа, кровь потемнеет.

Элиана тихо рассмеялась.

— Как удобно. Проверим.

— Вы не понимаете, — сказал Кайрен.

— Эту фразу я тоже скоро начну коллекционировать.

— Если алтарь признает вас чужой, Тор получит право казнить вас без суда.

Вот теперь стало холодно.

Не в комнате.

Внутри.

Но отступать было нельзя. Она слишком ясно видела лицо дознавателя: напряжённое, злое, рассчитывающее. Он не хотел проверки. А значит, проверка могла дать не тот результат, на который он рассчитывал.

Или открыть нечто хуже.

— А если признает моей женой? — спросил Кайрен, не отводя взгляда от Тора.

Дознаватель молчал.

Элиана поняла: вот оно.

Кайрен медленно продолжил:

— Тогда обвинение в переселении души снимается до полного расследования. А леди Вейр остаётся под моей защитой.

Тор сжал челюсти.

— Это древний обычай. Не закон.

— На землях Вейр древний обычай старше королевского закона.

— Вы играете с огнём.

— Нет, дознаватель. С огнём играли двадцать лет назад в восточном крыле.

Тор побледнел снова.

Кайрен заметил. И на этот раз уже не отпустил.

— Как странно вы реагируете на дела моего дома, Ренвик.

— Я реагирую на ваши попытки уйти от правосудия.

— Тогда вы с радостью примете проверку.

Тор посмотрел на Элиану.

Его глаза стали почти чёрными.

— Разумеется.

Он улыбнулся.

И от этой улыбки у неё по спине прошёл холод.

— Но если алтарь отвергнет вашу жену, герцог, я лично приведу приговор в исполнение.

Кайрен шагнул к нему так близко, что стражники вздрогнули.

— Только если успеете дожить до этого момента.

Часовня стояла в самом старом крыле замка.

Туда шли молча.

Впереди — двое стражников короны. За ними Тор. Селеста и Астер следом, будто свидетели на казни. Потом Элиана и Кайрен. Мадам Ровен замыкала шествие, сжимая в руках чётки.

Коридоры становились всё уже и темнее. Стены здесь были не гладким дворцовым камнем, а грубой чёрной кладкой. В нишах стояли старые статуи волков с пустыми глазницами. Сквозь щели в окнах тянуло снегом.

Элиана чувствовала журнал Ордана под платьем. Он давил на рёбра, словно второе сердце.

Кайрен шёл рядом.

Не касался.

Но его присутствие почему-то держало лучше любой опоры.

— Почему вы это делаете? — спросил он тихо, когда остальные отошли на несколько шагов.

— Потому что Тор не хотел этой проверки.

— Это не ответ.

— Это лучший ответ, который у меня есть.

— Вы рискуете умереть.

— У меня сегодня уже было несколько поводов привыкнуть к этой мысли.

Он посмотрел на неё.

— Вы правда не боитесь?

Элиана хотела сказать что-нибудь колкое. Что бояться некогда. Что она уже умирала. Что страх — роскошь для тех, у кого есть выбор.

Но вместо этого вдруг сказала правду:

— Боюсь.

Кайрен молчал.

— Я боюсь, что алтарь покажет правду. Что я чужая. Что меня казнят. Что прежняя Элиана всё ещё где-то здесь и ненавидит меня за украденное тело. Что девочка за дверью хочет не помощи, а места. Моего места.

Он не ответил сразу.

Потом сказал:

— Если алтарь отвергнет вас, я не позволю Тору казнить вас на месте.

Она подняла глаза.

— Почему?

— Потому что хочу услышать всю вашу правду раньше, чем кто-нибудь заставит вас замолчать.

— Какая романтическая причина.

— Я не романтичен.

— Заметила.

На мгновение между ними снова возникла эта странная тонкая нить. Слабая. Опасная. Совершенно неуместная по дороге к алтарю, который мог убить её быстрее палача.

Перед массивной дверью часовни Тор остановился.

— Последний шанс отказаться, леди Вейр.

Элиана улыбнулась.

— Как заботливо.

— Как практично. Мёртвые обычно доставляют меньше хлопот, когда не успевают сами выбрать способ смерти.

Кайрен положил руку на рукоять меча.

— Тор.

— Я молчу.

— Поздно.

Двери открылись.

Часовня была тёмной и почти пустой. Вместо привычных икон — каменные барельефы волков, луны и древнего дерева с корнями, уходящими в кости. В центре стоял алтарь из чёрного камня. Его поверхность была гладкой, как застывшая ночь.

И на ней уже лежал нож.

Узкий.

Серебряный.

Селеста остановилась у входа. Астер рядом с ней. Мадам Ровен прошептала молитву.

Тор подошёл к алтарю и повернулся.

— Леди Вейр, положите ладонь на камень. Кровь должна коснуться алтаря добровольно.

— И что говорить?

Кайрен ответил:

— Имя. Род. Право.

— А если я не знаю правильных слов?

— Кровь знает.

Почему-то это прозвучало не утешающе.

Элиана подошла к алтарю.

Камень был ледяным.

Она положила ладонь на поверхность. Взяла нож. Пальцы не слушались.

Кайрен встал напротив.

— Смотрите на меня, — сказал он.

— Зачем?

— Чтобы не смотреть на них.

Она хотела усмехнуться, но не смогла.

Посмотрела.
Серые глаза. Холодные. Внимательные. Не добрые — нет. Но сейчас в них не было ненависти.
Это уже было много.
Элиана провела лезвием по ладони.
Боль вспыхнула ярко, почти спасительно. Кровь выступила сразу, алая, живая, слишком человеческая для чужого тела.
Она прижала рану к камню.
Алтарь молчал.
Тор улыбнулся.
Селеста затаила дыхание.
Элиана сказала:
— Я... Элиана Вейр.
Слова дались тяжело.
Будто внутри кто-то сопротивлялся.
Она сжала зубы.
— Жена герцога Кайрена Вейра.
Камень под ладонью дрогнул.
Кайрен резко выпрямился.
— Кровью прошу признать моё право.
Тишина.
Одна секунда.
Другая.
Третья.
А потом кровь на алтаре почернела.
Мадам Ровен вскрикнула.
Тор шагнул вперёд с торжествующей улыбкой.
— Чужая душа.
Селеста закрыла рот рукой, но глаза её сияли.
Кайрен выхватил меч.
— Никто не тронет её.
Элиана смотрела на чёрную кровь и чувствовала, как внутри всё проваливается.
Вот и всё.
Её раскрыли.
Её история закончится не на эшафоте, а здесь, у холодного камня, под взглядами людей, которые заранее решили, кем она должна быть.
Но вдруг алтарь загудел.
Низко.
Глухо.
Так, будто под часовней проснулся огромный зверь.
Чёрная кровь начала двигаться.
Не стекать.
Писать.
Буквы появлялись сами, складываясь на камне древними линиями. Кайрен замер. Тор остановился. Даже Селеста перестала дышать.
Кровь написала:
“ДУША ЧУЖАЯ. ПРАВО ЗАКОННОЕ.”
Элиана не поняла.
Но Кайрен понял.

Он побледнел сильнее, чем когда читал письмо Ниры.

— Что это значит? — спросила она.

Ответил не он.

Ответил алтарь.

Камень раскололся тонкой сияющей линией, и из трещины донёлся тот самый детский смех.

Только теперь он был рядом.

Под её ладонью.

— Значит, — прошептал голос девочки, — тело ещё не выбрало хозяйку.

Свет в часовне погас.

Селеста закричала.

А Элиана почувствовала, как чья-то маленькая ледяная рука сжала её окровавленные пальцы изнутри камня.

— Здравствуй, Марина, — прошептал ребёнок. — Ты открыла не ту дверь.

Глава 8. Не та дверь

Свет погас не сразу.

Сначала дрогнули свечи у алтаря. Пламя вытянулось тонкими синими языками, будто кто-то невидимый вдохнул слишком глубоко. Потом потускнели окна, хотя за ними всё ещё был день. Тени от волчьих статуй поползли по стенам длинными чёрными лапами.

И только затем часовня провалилась во тьму.

Селеста закричала первой.

Не так, как кричит испуганная девушка. Слишком резко. Слишком зло. Будто её не напугали, а лишили чего-то, что почти было в руках.

Элиана не могла пошевелиться.

Её ладонь была прижата к расколотому алтарю, кровь впиталась в чёрный камень, а изнутри — из самой трещины — чья-то маленькая ледяная рука сжимала её пальцы.

Не физически.

Хуже.

Изнутри.

Будто кто-то тронул не кожу, а душу.

— Здравствуй, Марина, — прошептал детский голос. — Ты открыла не ту дверь.

В груди Элианы стало пусто.

Она услышала своё прежнее имя не ушами, а всем телом. Оно отозвалось в крови, в костях, в чужом сердце, которое теперь билось так, словно хотело разбиться о рёбра.

— Кто ты? — выдохнула она.

Тьма вокруг шевельнулась.

Голос девочки тихо засмеялся.

— Разве тебе не сказали? В этом доме обо мне запрещено говорить.

Кайрен шагнул к алтарю.

— Мира.

Его голос изменился.

Всего одно слово — но в нём было всё, что он прятал за холодом: вина, надежда, ужас и такая боль, что Элиана на миг перестала бояться за себя.

Из трещины в алтаре поднялся слабый серебристый свет.

Он не осветил часовню полностью, только вырвал из темноты лица: белую Селесту, напряжённого Астера, застывшего дознавателя Тора, Кайрена с мечом в руке и мадам Ровен, которая стояла на коленях и беззвучно молилась.

А перед алтарём, там, где ещё мгновение назад была пустота, появилась девочка.

Прозрачная.

Босая.

В белой ночной рубашке, обгоревшей по краю.

Чёрные волосы падали на лицо, серые глаза были слишком взрослыми для ребёнка. Она улыбалась. Но улыбка была сломанной, как треснувшее зеркало.

— Ты вырос, брат, — сказала она.

Кайрен побледнел так, что стал похож на статую.

— Мира...

— А я нет.

Эти два слова ударили сильнее крика.

Элиана почувствовала, как ледяная хватка на её душе стала крепче. Девочка стояла перед ними, но часть её была всё ещё в алтаре. В её крови. В открытой двери между мирами.

— Отпусти меня, — сказала Элиана.

Мира повернула голову.

— Не могу.

— Можешь.

— Не хочу.

Тор вдруг резко поднял руку.

— Всем назад. Это проявление одержимости. Леди Вейр опасна.

Элиана увидела, как он пытается взять ситуацию обратно. Как быстро страх на его лице сменяется расчётом. Он уже придумывал версию. Уже видел будущий протокол: герцогиня вскрыла печать, осквернила алтарь, вызвала призрак мёртвого ребёнка. Удобно. Очень удобно.

Но Мира посмотрела на него.

Просто посмотрела.

И дознаватель замолчал.

— Ты всё ещё носишь чужой знак, Ренвик? — спросила девочка. — Как твой отец.

Тор отступил на шаг.

— Молчать.

Голос сорвался.

Мира улыбнулась шире.

— Он тоже говорил мне молчать. Когда держал дверь открытой.

Кайрен медленно повернулся к дознавателю.

— Что она сказала?

Тор выпрямился, но теперь его спокойствие было тонким, как лёд над глубокой водой.

— Призрак повторяет бредовые обрывки памяти. Нельзя верить...

— Что. Она. Сказала? — повторил Кайрен.

Каждое слово прозвучало как удар меча о камень.

Мира наклонилась к трещине в алтаре и провела прозрачными пальцами по краю.

— В ту ночь я не убежала сама. Мне сказали, что ты ждёшь меня в комнате с зеркалами.

Я пошла, потому что ты всегда злился, когда я опаздывала.

Кайрен закрыл глаза.

— Нет.

— Дверь была открыта. Там стоял мужчина в мундире короны. Не этот. Старше. С такими же глазами. Он сказал, что покажет мне фокус.

Элиана посмотрела на Тора.

У того лицо стало мёртвым.

— Его отец, — прошептала она.

Кайрен сделал шаг к дознавателю.

Стражники короны напряглись, но не приблизились. Никто не хотел двигаться в темноте, где говорил призрак ребёнка.

— Ваш отец был в замке в ночь пожара, — сказал Кайрен.

— Мой отец служил короне, — ответил Тор. — Он расследовал запрещённые практики вашего рода.

— Врёшь.

— Осторожнее, герцог.

— С этим словом у вас семейное наследство?

Тор выхватил шпагу.

Кайрен улыбнулся.

Не тепло.

Не красиво.

А так, что даже тьма вокруг будто стала тише.

— Наконец-то.

Но Элиана резко сказала:

— Нет!

Оба мужчины посмотрели на неё.

Она всё ещё не могла оторвать ладонь от алтаря. Если бы попыталась, ей казалось, что рука останется там, в трещине, вместе с частью души.

— Он этого хочет, — сказала она. — Чтобы вы сорвались. Чтобы всё превратилось в нападение на представителя короны. Мира говорит правду, но её слова ничего не будут стоить, если вы сейчас убьёте дознавателя.

Кайрен не опустил меч.

— Он знает, что случилось с моей сестрой.

— Да. Поэтому он должен говорить. Живым.

Мира засмеялась.

— Она умная. Не такая, как та.

Элиана повернулась к девочке.

— Как та?

— Элиана.

Имя прозвучало почти ласково. И почти жестоко.

— Она плакала. Кричала. Просила вернуть ей то, что у неё забрали. А когда поняла, что дверь можно открыть только изнутри, начала искать ключ.

— Какой ключ?

Мира посмотрела на кровь на алтаре.

— Чужая душа.

В часовне стало ещё холоднее.

Элиана медленно поняла.

— Меня не случайно призвали. Меня использовали как ключ.

— Не тебя, — сказала Мира. — Любую. Дверь не любит пустоту. Когда Элиана стала слишком тонкой, слишком сломанной, слишком отравленной, она смогла вытолкнуть себя наружу. А внутрь должно было войти что-то живое.

— Я.

— Ты.

Селеста вдруг тихо сказала:

— Неправда.

Все повернулись к ней.

Она стояла у входа в часовню, бледная, но уже не играла в испуганную голубку. На её лице впервые не было ни мягкости, ни слёз. Только холодная ярость.

— Это всё ложь. Призрак, магия, кровь — всё ложь. Она обманула алтарь.

Элиана посмотрела на неё.

— Почему ты так злишься, Селеста?

— Потому что ты должна была исчезнуть!

Крик сорвался с её губ раньше, чем она успела надеть маску обратно.

Тишина после него была почти прекрасной.

Астер схватил её за руку.

— Селеста.

Она резко выдернула руку.

Поздно.

Слова уже прозвучали.

Кайрен медленно повернулся к ней.

— Что ты сказала?

Селеста побледнела, но быстро опустила глаза. Слёзы появились мгновенно, словно по приказу.

— Я... я не это имела в виду. Я испугалась. Всё это ужасно. Она смотрит на меня так, будто я...

— Будто ты ждала, что я исчезну? — спросила Элиана.

Селеста прижала руки к груди.

— Вы все против меня.

— Нет, — тихо сказала Мира. — Не все.

Девочка повернулась к ней.

И улыбнулась.

— Ты пахнешь розами.

Селеста замерла.

Элиана почувствовала, как ледяная рука внутри неё сжалась сильнее.

— Розами, кровью и чужим обещанием, — продолжила Мира. — Ты приходила к двери. Часто. Но дверь не открылась тебе.

— Молчите, — прошептала Селеста.

— Потому что ты пустая.

Селеста закричала.

Не от страха.

От ненависти.

В тот же миг из её рукава блеснуло что-то тонкое. Игла? Нож? Астер попытался удержать её, но она вывернулась и бросилась не к Элиане.

К алтарю.

— Не позволю! — выкрикнула она.

Кайрен двинулся первым, но Тор оказался ближе.

И сделал странное.

Не остановил Селесту.

Наоборот — толкнул одного из стражников ей наперерез так, чтобы тот помешал Кайрену.

Элиана всё увидела.

И поняла.

Они заодно.

Селеста успела добежать до алтаря. В её руке была тонкая стеклянная ампула с розовой жидкостью. Она подняла её над трещиной.

— Если дверь не выбрала меня, — прошипела она, — она не достанется никому.

Мира закричала.

Теперь по-настоящему.

Детский крик разорвал часовню. Волчьи статуи на стенах треснули. Свечи вспыхнули синим огнём. Мадам Ровен упала на пол, закрывая уши.

Элиана не думала.

Она свободной рукой схватила Селесту за запястье.

Ампула дрогнула.

Капля розовой жидкости упала на алтарь.

Камень зашипел.

Боль взорвалась в ладони Элианы так, будто ей в кровь залили огонь. Она закричала, но не отпустила.

Селеста была сильнее, чем казалась. Её лицо исказилось, вся нежность исчезла. Перед Элианой стояла не жертва, не возлюбленная герцога, не светлая героиня романа.

А женщина, которая слишком долго ждала чужого трона.

— Ты даже не из этого мира, — прошипела Селеста. — Почему тебе досталось всё? Элиана стиснула зубы.

— Потому что я хотя бы не притворяюсь доброй.

И ударила её лбом в лицо.

Не изящно.

Не благородно.

Зато эффективно.

Селеста вскрикнула и отшатнулась. Амбула выскользнула из её руки. Кайрен успел перехватить её в воздухе и тут же разбил о каменный пол подальше от алтаря.

Розовая жидкость растеклась по плитам.

Из неё поднялся пар.

Пахло розами и гнилью.

— Что это? — спросил Кайрен.

Селеста зажимала разбитую губу. В её глазах уже снова появились слёзы.

— Я не знаю... Мне дали...

— Кто? — спросила Элиана.

Селеста молчала.

Тор резко сказал:

— Достаточно. Леди Селеста ранена. Герцогиня напала на неё при свидетелях.

— Вы серьёзно? — Элиана рассмеялась, хотя боль в ладони всё ещё жгла до слёз. — Она только что пыталась вылить неизвестную дрянь в древний алтарь, а вы волнуетесь о её губе?

— Я видел нападение.

— А то, что было до него, вы снова удобно пропустили?

Тор поднял шпагу.

— Леди Вейр, отойдите от алтаря.

Мира вдруг перестала кричать.

Она посмотрела на дознавателя.

— Твой отец тоже любил приказывать женщинам отходить от дверей.

Тор дёрнулся.

— Мой отец мёртв.

— Нет.

Одно слово.

Тихое.

И от него у всех внутри что-то оборвалось.

Мира улыбнулась.

— Он за дверью.

Дознаватель побелел.

— Замолчи.

— Он стучит. Всё время стучит. Хочет обратно. Говорит, что почти собрал достаточно душ.

Элиана почувствовала, как кровь в жилах превращается в лёд.

— Достаточно душ для чего?

Мира повернулась к ней.

— Чтобы дверь стала настоящей.

Кайрен спросил:

— Что за дверь?

Мира посмотрела на него так печально, что на мгновение снова стала просто маленькой девочкой.

— Та, куда меня бросили.

Тишина.
Потом за стенами часовни раздался удар.
Глухой.
Словно кто-то с другой стороны огромной двери приложил ладонь к камню.
Удар повторился.
Потом ещё.
Стражники попятились.
Астер выругался.
Селеста закрыла уши.
Тор стоял неподвижно, и по его лицу текла тонкая струйка пота.
— Это невозможно, — сказал он.
Мира повернулась к нему.
— Ты обещал ей место.
Селеста резко вскинула голову.
— Молчи!
— Обещал, что Элиана исчезнет, а Селеста станет хозяйкой тела, титула и двери.
Элиана медленно посмотрела на Селесту.
Вот оно.
Вот настоящая причина.
Не любовь к Кайрену.
Не ревность.
Не случайное участие в интриге.
Селеста хотела не просто стать герцогиней.
Она хотела тело, которое могло открыть дверь.
— Ты хотела занять моё место, — сказала Элиана.
Селеста выпрямилась.
И впервые больше не стала притворяться.
— Твоё? — Она рассмеялась. — Ты даже не знаешь, кому оно принадлежит. Элиана была слабой. Ты — случайная. А я готовилась. Я три года училась быть идеальной. Идеальной для двора. Для герцога. Для этой проклятой крови Вейров. А потом дверь выбрала не меня.
Кайрен смотрел на неё так, словно видел впервые.
— Всё это время...
— Да, ваша светлость, — Селеста сделала насмешливый реверанс. — Всё это время я улыбалась, пока ваша жена сходила с ума. Утешала вас, когда она кричала. Позволяла двору жалеть меня. Это было несложно. Вы все так охотно верите красивой боли.
Элиана почувствовала странное, почти спокойное удовлетворение.
Маска упала.
Но радоваться было рано.
Тор шагнул к Селесте.
— Замолчи, дура.
Селеста повернулась к нему.
— Нет. Хватит. Вы обещали, что она исчезнет после последней чашки. Обещали, что в тело войду я. А вместо этого пришла эта...
Она ткнула пальцем в Элиану.
— Женщина из грязного мира без магии!
Кайрен медленно перевёл взгляд на Тора.
— Вы знали.
Дознаватель понял: притворяться больше бессмысленно.
И улыбнулся.

По-настоящему.

— Знал? Герцог, я продолжил дело, которое ваш отец трусливо закопал в стенах этого дома.

Кайрен побледнел.

— Мой отец?

— Он открыл первую дверь. Мой отец помог ему. Они хотели власть, которую не даёт ни корона, ни армия. Власть над смертью. Над памятью. Над душой. Но ваш отец испугался, когда дверь забрала девчонку.

— Миру.

— Расходный материал, — холодно сказал Тор.

Кайрен ударил его.

Не мечом.

Кулаком.

Так быстро, что никто не успел остановить. Дознаватель рухнул на пол, кровь выступила на губе. Стражники дёрнулись, но Мира засмеялась — и их мечи покрылись инеем.

— Не надо, брат, — сказала она. — Он нужен живым. Пока.

Тор медленно поднялся.

И теперь в его глазах не было ни страха, ни вежливости.

Только тёмная, фанатичная радость.

— Поздно. Алтарь уже открыт. Кровь пролита. Чужая душа признана законной. Дверь услышала имя.

Он посмотрел на Элиану.

— Спасибо, Марина.

Кайрен бросился к нему, но Тор резко вытащил из-за пазухи маленький чёрный камень и раздавил его в ладони.

Часовня содрогнулась.

Пол под алтарём треснул.

Из трещины хлынул свет — не серебряный теперь, а красный, как кровь на снегу.

Мира вскрикнула и начала растворяться.

— Нет! — Кайрен шагнул к ней.

Но девочка смотрела не на него.

На Элиану.

— Не отдавай тело, — прошептала она. — Она уже внутри.

— Кто? — закричала Элиана.

Мира исчезала.

Смех стал плачем.

— Не Селеста.

Тьма ударила из алтаря.

Элиана почувствовала, как что-то чужое, огромное, холодное касается её сознания изнутри. Не детская рука. Не Мира.

Другая.

Старая.

Голодная.

И голос, женский, низкий, незнакомый, прошептал прямо в её голове:

“Наконец-то.”

Элиана упала на колени.

Кайрен успел подхватить её раньше, чем она ударилась о камень.

— Элиана!

Она слышала его как сквозь воду.

Видела лицо Селесты, искажённое ужасом.
Видела Тора, который тоже вдруг перестал улыбаться.
Потому что, кажется, даже он понял: открыл не ту дверь.
А внутри Элианы кто-то медленно вдохнул её лёгкими.
И произнёс её губами:
— Как тесно в человеческом теле.
Кайрен застыл.
Его руки на её плечах стали железными.
— Кто ты?
Элиана хотела закричать, что это не она.
Что она здесь.
Что она не исчезла.
Но губы больше ей не подчинялись.
Её лицо поднялось к нему само.
И улыбнулось чужой улыбкой.
— Та, кого твой род запер за дверью, мальчик Вейр.
Алтарь раскололся окончательно.
И вся часовня наполнилась розами.
Чёрными.

Глава 9. Чёрные розы

Чёрные розы распускались из трещин в камне.

Они росли неправильно — без земли, без воды, без света. Тонкие стебли пробивали плиты часовни, обвивали ножки алтаря, ползли по ступеням, по стенам, по ногам статуй. Лепестки были тёмными, бархатными, почти живыми. На их краях блестела влага.

Не роса.

Кровь.

Элиана видела всё изнутри собственного тела, как через мутное стекло.

Она была здесь.

Слышала крики.

Чувствовала боль в ладони.

Чувствовала руки Кайрена на своих плечах.

Но пошевелиться не могла.

Её тело больше ей не принадлежало.

Чужая сущность внутри неё вдохнула глубже — её грудью, её лёгкими — и улыбнулась её губами. От этой улыбки Элиану затошнило. Она хотела содрать её с лица, но даже пальцы не слушались.

— Как тесно, — повторила женщина её голосом. — Как шумно. Как... смертно.

Кайрен не отпустил её.

Наоборот, сжал крепче, будто мог удержать Марину силой рук там, где уже началась борьба за душу.

— Кто ты? — спросил он.

Теперь в его голосе не было ни льда, ни насмешки. Только опасная, обнажённая сталь.

Сущность подняла на него глаза.

Элиана почувствовала этот взгляд изнутри и поняла: она смотрит на Кайрена не как на человека.

Как на потомка.

Как на ошибку, которую давно следовало исправить.

— Вы всегда задаёте неправильные вопросы, дети Вейр, — сказала она. — Сначала “кто”, потом “зачем”, потом “как остановить”. И ни разу — “кого мы похоронили, чтобы построить этот дом”.

Мадам Ровен стояла у стены, зажав рот обеими руками. Астер пытался к двери. Селеста, забыв о своей роли жертвы, смотрела на Элиану с таким ужасом, будто увидела не соперницу, а конец собственного замысла.

Тор медленно поднимался с пола, вытирая кровь с губы.

— Нет, — прошептал он. — Нет... Ты не должна была выйти.

Сущность повернула голову.

— А, — произнесла она почти ласково. — Щенок Торков.

Ренвик застыл.

— Ты знаешь меня?

— Я знала твоего отца, когда он ещё умел кричать.

Тор побелел.

— Он служил тебе.

— Он думал, что служит. Люди любят путать цепь с договором.

Чёрные розы дрогнули. Один стебель скользнул к дознавателю по полу, как змея. Тор резко отступил, но стебель обвился вокруг его сапога. Шипы впились в кожу. Он вскрикнул.

Кайрен воспользовался этим мгновением.

— Элиана, — сказал он резко. — Слышите меня?

Внутри, за мутным стеклом, Марина закричала:

“Да!”

Но её губы только улыбнулись.

— Она слышит, — сказала сущность. — Такая упрямая. Цепляется за тело, которое ей не принадлежит.

— А тебе принадлежит? — Кайрен приблизился на полшага.

— Мне принадлежит дверь. А всё, что открывает дверь, принадлежит мне.

— Тогда ты ошиблась. Она не ключ.

Сущность посмотрела на него с любопытством.

— Ты защищаешь чужую душу в теле своей жены. Как трогательно. Твой отец был практичнее.

Кайрен застыл.

На мгновение Элиана почувствовала, как его пальцы на её плечах дрогнули.

— Не слушай её! — крикнула мадам Ровен. — Ваша светлость, она играет словами!

Сущность медленно повернулась к старой женщине.

— Ровен... Маленькая служанка, которая пряталась за дверью кухни, пока её господа продавали детей за власть.

Мадам Ровен будто получила удар.

— Нет...

— Да. Ты слышала, как девочка плакала. Но молчала. Ты всегда хорошо умела молчать.

Старая женщина опустилась на колени.

Элиана почувствовала, как внутри неё вспыхивает злость.

Не сущности.

Её собственная.

“Не смей.”

Чужая сила на миг дрогнула.

Совсем чуть-чуть.

Но Кайрен заметил.

— Элиана? — быстро сказал он.

Сущность снова повернулась к нему.

— Не называй её этим именем. Это тело — пустая комната с двумя призраками. А скоро останется один.

“Нет”, — подумала Марина.

Слово было слабым. Беззвучным. Но оно было её.

Сущность услышала.

Глубоко внутри тела раздался тихий смех.

— Проснулась, чужая? Хорошо. Мне не нравится есть спящих.

Элиана вдруг оказалась не в часовне.

Мир оборвался.

Она стояла в тёмном коридоре.

Нет — не стояла. Падала внутрь себя.

По обеим сторонам тянулись двери. Сотни дверей. Некоторые были новыми, лакированными, с золотыми ручками. Другие — обгоревшими. Третьи — такими знакомыми, что сердце сжалось: дверь её квартиры. Та самая, которую она закрыла за собой после измены Андрея.

Из-за неё доносился смех Леры.

— Марин, ну ты же взрослая женщина...

Элиана отшатнулась.

Голос сущности за спиной прошептал:

— Тебя так легко сломали.

Марина обернулась.

Перед ней стояла женщина.

Высокая, прекрасная и страшная. В чёрном платье, будто сотканном из лепестков. Лицо менялось: то молодое, то старое, то почти безликое. В её волосах шевелились тени, а глаза были чёрными, как алтарь.

— Кто ты? — спросила Марина.

— Та, кого Вейры называли первой женой.

— Чьей?

Женщина улыбнулась.

— Дома.

Коридор задрожал.

За одной из дверей раздался детский плач. За другой — мужской крик. За третьей — шёпот прежней Элианы:

“Я открою дверь, даже если для этого придётся умереть.”

Марина сжала кулаки.

— Ты не получишь это тело.

— Какое громкое заявление для женщины, которая уже однажды бросила своё.

— Я умерла.

— Нет. Ты ушла. Это разные вещи.

Марина шагнула к ней.

— Я не уходила. Меня сбила машина.

Сущность наклонила голову.

— А до этого? Сколько лет ты уходила от себя? Сколько раз молчала, когда тебя унижали? Сколько раз улыбалась, чтобы не разрушить чужое удобство? Ты была пустой задолго до смерти. Поэтому дверь и услышала тебя.

Слова били точно.

Слишком точно.

Марина увидела кухню. Андрея за столом. Себя, молча убирающую тарелки после его очередной фразы: “Ты всё воспринимаешь слишком лично”. Леру, обнимающую её и прячущую улыбку. Своё кольцо, оставленное рядом с чужой помадой.

Боль поднялась волной.

Сущность протянула руку.

— Отдай тело. Я дам тебе покой.

Перед Мариной появилась другая дверь.

Тёплый свет за матовым стеклом. Тишина. Ни боли, ни страха, ни предательства. Только отдых.

Так заманчиво.

Слишком.

Марина почти сделала шаг.

И услышала голос.

Глухой. Далёкий. Из другой стороны мира.

— Элиана!

Кайрен.

Не “Марина”.

Не “чужая”.

Элиана.

Имя, которое сначала было маской, вдруг стало якорем.

Марина остановилась.

Сущность нахмурилась.

— Он зовёт не тебя.

— Ошибаешься.

— Ты не его жена.

— Возможно. Но сейчас я единственная, кто может не дать тебе выйти.

Сущность улыбнулась.

— Ты думаешь, он спасает тебя? Дитя, мужчины Вейр спасают только то, чем могут владеть.

— А я не собираюсь принадлежать ни ему, ни тебе.

Марина ударила её.

Не магией.

Не мечом.

Просто кулаком.

Как ударила Селесту лбом у алтаря.

Сущность отшатнулась, скорее от неожиданности, чем от боли. Коридор дрогнул. Двери захлопали, будто по нему пронёсся ураган.

В часовне Элиана резко вдохнула.

Её тело дёрнулось в руках Кайрена.

— Держите её! — крикнула мадам Ровен.

Кайрен обхватил её крепче.

— Элиана, если слышите, боритесь!

Сущность снова перехватила контроль. Глаза Элианы почернели на миг, потом стали прежними, но взгляд — чужой, тёмный, полный ненависти.

— Глупый мальчик.

Чёрные розы взметнулись с пола.

Один стебель ударил Кайрена в грудь. Его отбросило к колонне. Он ударился спиной о камень, но не выпустил меч.

— Кайрен! — крикнула мадам Ровен.

Это имя словно ножом прорезало туман внутри Маринино сознания.

Она увидела его на полу. Кровь на губе. Меч в руке. И взгляд, всё ещё прикованный к ней.

Не к сущности.

К ней.

— Не смей, — прошептала Марина внутри.

Чёрные розы остановились.

Сущность зашипела.

— Ты мешаешь.

— Привыкай.

Селеста вдруг бросилась к двери.

Астер схватил её за руку.

— Куда ты?

— Отпусти!

— Ты сама хотела дверь!

— Не эту! — завизжала она. — Не её! Тор, скажи ей! Скажи, что это ошибка!

Тор всё ещё боролся со стеблем, который обвинил его ногу. Но на лице дознавателя теперь был не фанатичный восторг.

Ужас.

— Я не знал, — прошептал он. — Отец говорил о хозяйке двери... о силе... Он говорил, она даст власть...

Сущность повернула к нему лицо Элианы.

— Я дам. Сначала — боль. Потом — тишину. Потом ты станешь частью стены, как он.

— Мой отец жив, — выдохнул Тор.

— Разумеется. Стены редко умирают.

Дознаватель закричал и вонзил шпагу в стебель. Чёрный сок брызнул на пол. Розы зашевелились злее.

Кайрен поднялся.

Медленно.

Тяжело.

Кровь текла по его виску, но он шёл к алтарю.

— Мира! — крикнул он в трещину. — Если ты слышишь, помоги ей!

Смеха не было.

Только слабый детский плач под камнем.

— Она не поможет, — сказала сущность. — Девочка почти моя.

Марина внутри рванулась на этот плач.

И вдруг оказалась снова в коридоре дверей.

Теперь она видела Миру.

Девочка сидела на полу у обгоревшей двери и обнимала деревянную лошадку. Вокруг её ног вились чёрные корни.

— Мира, — сказала Марина.

Девочка подняла заплаканное лицо.

— Я устала.

— Знаю.

— Она обещала, что, если дверь откроют, я вернусь домой.

— Она солгала.

— Все взрослые лгут.

Марина опустила перед ней на колени.

— Да. Часто. Но твой брат всё ещё ждёт тебя.

Мира прижала лошадку крепче.

— Он не смог войти.

— Он был ребёнком.

— Я тоже.

Эти слова были такими простыми, что Марина не нашла ответа.

Она протянула руку.

— Тогда помоги мне закрыть дверь. Не ради взрослых. Ради себя.

Мира посмотрела на неё долгим, слишком взрослым взглядом.

— Если я помогу, ты останешься в теле?

— Не знаю.

— А Элиана?

Марина замерла.

Где была прежняя Элиана? Мёртвая? Вытолкнутая? Запертая где-то в этих дверях? И имела ли Марина право бороться за тело, которое не было её?

Из темноты послышался слабый женский голос:

— Имеешь.

Марина обернулась.

В конце коридора стояла Элиана Вейр.

Настоящая.

В той самой белой ночной рубашке, в которой её нашли у тела мага. Серебряные волосы распущены, лицо бледное, глаза усталые и ясные.

Не безумная.

Не злодейка.
Сломленная женщина, которая слишком долго сражалась одна.
— Ты... — Марина не смогла договорить.
Элиана подошла ближе.
— Я звала не тебя. Прости.
— Кого?
— Ту, кто должна была заплатить за всё. Ту, кто была за дверью. Я думала, если впущу её, она уничтожит их. Всех, кто сделал меня чудовищем.
— Но вместо неё пришла я.
Настоящая Элиана горько улыбнулась.
— Дверь выбрала не месть. Дверь выбрала выжившую.
Марина покачала головой.
— Я не выжившая.
— Ошибаешься. Ты умерла, но не стала мёртвой. Это редкость.
Мира тихо сказала:
— Она забирает тело.
Коридор содрогнулся.
Чёрные розы уже пробивались сквозь двери.
Элиана Вейр посмотрела на Марину.
— Слушай внимательно. Тело принадлежало мне. Но я разрушила его, пытаюсь открыть то, что нельзя. Я не смогу вернуться. И не хочу.
— Нет...
— Хочешь спасти нас? Тогда перестань чувствовать себя воровкой.
— Но я...
— Ты не украли мою жизнь, Марина. Ты получила её руины.
Элиана подошла ближе и коснулась её лица прозрачными пальцами.
— Построй из них что-нибудь лучше.
Коридор взорвался светом.
В часовне Элиана резко открыла глаза.
Теперь они были не чёрными.
Светлыми.
Ясными.
Её собственными.
Кайрен стоял перед ней, готовый снова броситься на розы, даже если они разорвут его на части.
Она подняла окровавленную руку.
— Не подходите.
Он замер.
Сущность внутри взвыла.
Марина чувствовала её. Огромную, древнюю, голодную. Та всё ещё держалась за тело, за кровь Вейров, за открытую дверь.
Но теперь Марина была не одна.
За её спиной стояла настоящая Элиана.
Рядом — маленькая Мира с деревянной лошадкой.
И где-то далеко, за всеми дверями, осталась Марина, которая однажды сняла кольцо и ушла под дождь.
— Это тело выбрало, — сказала она.
Голос дрожал, но принадлежал ей.
Алтарь вспыхнул.

Чёрные розы зашипели.

Сущность закричала внутри так громко, что у Элианы потемнело в глазах. Но она удержалась. Вонзила ногти в раненую ладонь, смешала кровь с болью и шагнула к трещине.

— Мира, сейчас!

Детский голос прошептал из-под камня:

— Брат, закрой глаза.

Кайрен понял не сразу.

Потом побледнел.

— Мира...

— Пожалуйста.

Он закрыл глаза.

И в тот же миг девочка закричала.

Не от страха.

От силы.

Серебряный свет ударил из алтаря вверх. Чёрные розы начали гореть без огня, осыпаясь пеплом. Тор закричал, когда стебли отпустили его ногу. Селеста упала на пол, закрывая лицо. Астер бросился к двери, но та захлопнулась сама.

Элиана чувствовала, как сущность вырывают из неё.

Медленно.

Больно.

Будто из груди вытягивали крючья.

— Нет! — шипела та её голосом, чужим голосом, тысячей голосов сразу. — Тело моё! Дверь моя! Дом мой!

— Нет, — прошептала Элиана.

Она прижала ладонь к алтарю.

— Развод.

Сущность замерла.

Даже Кайрен открыл глаза.

— Что? — выдохнул он.

Элиана улыбнулась сквозь боль.

— Я развожусь не только с герцогом. Я развожусь со всеми, кто решил, что имеет право владеть мной.

Алтарь раскололся окончательно.

Чёрный силуэт вырвало из её тела и швырнуло в трещину. Сущность закричала так, что каменные волки на стенах рассыпались пылью.

Потом свет погас.

Розы исчезли.

Трещина закрылась.

И в наступившей тишине Элиана рухнула.

На этот раз Кайрен успел поймать её мягко.

Он опустился с ней на пол, прижимая к себе так осторожно, будто боялся сломать.

— Элиана.

Она с трудом открыла глаза.

— Я всё ещё здесь?

Он смотрел на неё.

Долго.

Так, словно проверял не лицом, а чем-то глубже.

— Да.

— Жаль, — прошептала она. — Я почти надеялась проснуться где-нибудь без герцогов, дознавателей и чая.

Уголок его губ дрогнул.

— Увы. Чай я запрещу.

— А герцогов?

— Сложнее.

Она хотела ответить, но силы ушли.

За его плечом она увидела Селесту.

Та сидела на полу у стены. Губа разбита, платье в пепле, глаза огромные.

И в этих глазах больше не было самоуверенности.

Только страх.

Потому что игра изменилась.

А рядом с алтарём, там, где исчезла трещина, лежала маленькая деревянная лошадка.

Целая.

Без обгоревшего края.

Кайрен тоже увидел.

Его лицо изменилось.

Он медленно протянул руку и взял игрушку.

Долго смотрел.

Потом сжал так, что костяшки пальцев побелели.

— Она ушла? — спросила Элиана тихо.

Кайрен не ответил.

Но по его лицу она поняла: нет.

Не совсем.

И словно подтверждая это, из глубины закрытого алтаря донёсся едва слышный шёпот девочки:

— Брат... дверь закрыта не до конца.

Селеста вдруг рассмеялась.

Слабо.

Безумно.

— Вы думаете, победили? — прошептала она. — Нет. Она была только первой.

Элиана медленно повернула голову.

— Кто?

Селеста улыбнулась окровавленными губами.

— Та, кого вы закрыли. За ней стоят другие.

Кайрен поднялся, всё ещё держа Элиану на руках.

Его голос стал ледяным.

— Уведите леди Селесту.

Стражники не двигались.

Они смотрели на Тора.

Дознаватель стоял у стены, бледный, с разорванной штаниной и без прежней власти в глазах.

Кайрен посмотрел на него.

— Вы слышали приказ?

Тор медленно выпрямился.

— Вы не имеете права...

— В моём доме? После того, как ваша сообщница призналась в заговоре, а вы открыли древнюю дверь под алтарём Вейров?

Он сделал шаг.

Стражники короны отступили.

— Сейчас, дознаватель, у вас есть только одно право. Молчать, пока я решаю, оставлю ли вас живым до суда.

Тор ничего не сказал.

Селесту подняли с пола. Она не сопротивлялась. Только смотрела на Элиану с ненавистью.

Когда её вели мимо, она прошептала:

— Тело всё равно не твоё.

Элиана, почти без сил, улыбнулась.

— Зато теперь я хотя бы знаю, как неприятно тебе это видеть.

Селеста дёрнулась, но стражники удержали её.

Двери часовни открылись.

Снаружи был день.

Обычный.

Снежный.

Слишком светлый после того, что случилось внутри.

Кайрен вынес Элиану на руках.

Она могла бы возмутиться. Сказать, что сама дойдёт. Потребовать поставить её на пол.

Но, во-первых, она действительно не дошла бы.

А во-вторых, его руки были неожиданно надёжными.

Это раздражало.

И немного пугало.

— Я всё ещё хочу развод, — пробормотала она.

Кайрен посмотрел вниз.

— После того как вы использовали это слово как боевое заклинание, я уже понял.

— И?

— И теперь у меня появился ещё один повод вам его не давать.

— Какой?

Он остановился у окна, где снег падал за стеклом мягко и безмолвно.

— Если я отпущу вас, вы разрушите половину королевства без присмотра.

Элиана закрыла глаза.

— Самоуверенный герцог.

— Безрассудная жена.

— Чужая душа.

— Законное право, — тихо сказал он.

Она открыла глаза.

Кайрен смотрел на неё не как на безумную, не как на преступницу, не как на временную загадку.

А как на женщину, которую ещё не понял.

Но уже не хотел терять из виду.

Это было опаснее любого алтаря.

Мадам Ровен шла следом, прижимая к груди журнал Ордана, который успела поднять с пола.

— Ваша светлость, миледи нужно в покои. Лекаря. Чистые повязки. И охрану у всех входов.

— Удвоить стражу, — сказал Кайрен. — Никто не входит без моего разрешения. Никто не приносит еду или питьё, кроме вас.

— Да, ваша светлость.

Элиана тихо спросила:

— А Тор?

Лицо Кайрена потемнело.

— Его запрут в южной башне до прибытия королевского совета.

— Вы уверены, что он доживёт?

— Теперь — да. Я лично поставлю охрану.

— А если у него есть союзники?

Кайрен посмотрел на неё.

— У него они есть.

— Много?

— Достаточно, чтобы это больше не было семейной драмой.

Элиана слабо усмехнулась.

— Прекрасно. Я попала не просто в роман. Я попала в государственный заговор с призраками.

— Вы всегда так реагируете на угрозы?

— Нет. Иногда я ухожу под дождь и умираю.

Он ничего не сказал.

Но руки его стали чуть крепче.

И почему-то именно это заставило её замолчать.

Когда они вошли в восточное крыло, Элиана почувствовала запах роз.

Не чёрных.

Обычных.

Тех самых, сладких, удушливых.

Она резко открыла глаза.

— Стойте.

Кайрен замер.

— Что?

В коридоре было пусто. Слуги исчезли, двери закрыты, свечи горели ровно.

Но у порога её спальни лежал один цветок.

Роза.

Белая.

На лепестках — капли розового чая.

Кайрен медленно опустил её на ноги, но не отпустил.

Мадам Ровен побледнела.

— Я никого сюда не пускала.

Элиана наклонилась и подняла розу за стебель, стараясь не коснуться лепестков.

К цветку была привязана тонкая бумажная лента.

На ней аккуратным почерком было написано:

“Первая дверь закрыта.
Вторая — в сердце герцога.”

Элиана медленно подняла глаза на Кайрена.

Он тоже прочитал.

И впервые за всё время она увидела на его лице не гнев.

Не холод.

Страх.

Не за себя.

За неё.

Где-то в глубине замка снова раздался детский смех.

Но теперь он звучал не как угроза.

А как предупреждение.

Глава 10. Вторая дверь

Белая роза лежала на ладони Элианы, как улика.

Хрупкая. Нежная. Почти невинная.

Только капли розового чая на лепестках превращали её в угрозу.

“Первая дверь закрыта.
Вторая — в сердце герцога.”

Элиана перечитала записку трижды, но смысл от этого не стал менее отвратительным.

В сердце герцога.

Она медленно подняла взгляд на Кайрена.

Тот стоял неподвижно. Слишком неподвижно. Так замирают люди, которые не испугались внезапной опасности, а узнали старую. Ту, что уже однажды приходила к ним ночью и оставила след, который не зажил.

— Что это значит? — спросила она.

Кайрен не ответил сразу.

Его глаза были прикованы к записке. В них не было растерянности. Только мрачное понимание.

— Это угроза.

— Спасибо, ваша светлость. Без вас я бы решила, что это приглашение на бал.

Он резко посмотрел на неё.

— Сейчас не время для язвительности.

— А для чего время? Для молчания? В вашем доме это семейная традиция, но, как видите, не очень помогает.

Мадам Ровен тихо произнесла:

— Миледи...

Элиана сжала стебель розы крепче. Шип впился в палец, но она почти не почувствовала.

После алтаря боль стала чем-то привычным.

— Я только что пережила попытку выселения из собственного тела, — сказала она. — Дознаватель обвиняет меня в переселении души. Селеста хотела занять моё место. Ваш семейный призрак сообщил, что дверь закрыта не до конца. А теперь кто-то оставляет розы у моей спальни и намекает на ваше сердце. Поэтому, ваша светлость, либо вы говорите мне правду, либо я сама пойду искать её по комнатам. Обычно после этого кто-нибудь умирает.

Кайрен долго смотрел на неё.

Потом повернулся к мадам Ровен.

— Оставьте нас.

— Ваша светлость, миледи слаба...

— Я не повторяю приказ дважды.

Старая женщина сжала губы, поклонилась и ушла, но перед тем как закрыть дверь, посмотрела на Элиану так, будто хотела сказать: “Будьте осторожны”.

Поздно.

Элиана уже давно вышла за пределы осторожности.

Кайрен взял розу из её рук. Аккуратно. Так, чтобы не коснуться лепестков.

— Не трогайте больше ничего, что приносит запах роз.

— Я уже поняла.

— Нет. Не поняли.

Он подошёл к камину в её спальне и бросил цветок в огонь.

Пламя вспыхнуло зелёным.

Элиана отступила.

Из огня на секунду поднялся силуэт — тонкий, женский, с длинными волосами. Он вытянул к ним руки, будто пытался выбраться, но тут же рассыпался чёрным пеплом.

По комнате прошёл слабый шёпот:

— Сердце помнит...

Потом всё исчезло.

Элиана медленно выдохнула.

— Теперь я начинаю ненавидеть цветы.

Кайрен стоял к ней спиной.

— Розы были знаком моей матери.

Элиана замерла.

Вот она. Вторая дверь.

Не в стене.

Не в алтаре.

В его прошлом.

— Вашей матери?

— Герцогини Лиоры Вейр.

Он произнёс имя сухо. Почти равнодушно.

Почти.

— В ром... — Элиана прикусила язык. — В рассказах о вашем доме о ней тоже не говорили?

— Говорили. Что она умерла от лихорадки через год после исчезновения Миры.

— А на самом деле?

Кайрен повернулся.

— На самом деле она сошла с ума.

В комнате стало тише.

За окном падал снег. В камине догорали остатки розы. Воздух всё ещё пах гарью и сладкой гнилью.

— После пожара мать начала слышать Миру, — сказал Кайрен. — Сначала по ночам. Потом днём. Она говорила, что дочь зовёт её из-за стены. Отец приказал убрать все зеркала из восточного крыла. Запретил слугам отвечать на вопросы. Вызвал королевского дознавателя.

— Отца Ренвика Тора.

— Да.

Элиана медленно села на край кровати. Тело ещё трясло после часовни, но разум цеплялся за каждое слово.

— Что стало с вашей матерью?

Кайрен подошёл к окну.

— Её нашли в старой часовне. На алтаре. Она вырезала себе на груди знак двери.

Элиана не сразу смогла вдохнуть.

— Она умерла?

— Нет.

Он говорил ровно. Слишком ровно.

— Отец объявил её больной и запер в северной башне. Через месяц она действительно умерла. Официально — от слабости.

— А неофициально?

Кайрен посмотрел на неё.

— В тот день вся башня пахла розами.

Элиана закрыла глаза.

Какой же красивой ложью оказался этот дом.

Снаружи — герцогская власть, благородная кровь, древний род, холодный красавец, несчастная фаворитка. Внутри — исчезнувшие дети, мёртвые маги, женщины, которых объявляли безумными, когда они подходили слишком близко к правде.

Она открыла глаза.

— Вторая дверь в вашем сердце — это ваша мать?

— Нет.

Ответ был слишком быстрым.

— Тогда что?

Кайрен молчал.

Элиана устало усмехнулась.

— Вы правда думаете, что сейчас лучший момент для загадочного молчания?

Он резко повернулся.

— Вторая дверь — это не место.

— А что?

— Клятва.

— Какая?

Кайрен подошёл к ней. Встал напротив, высокий, тёмный, слишком собранный для человека, у которого прошлое только что начало кровоточить сквозь стены.

— После смерти матери отец заставил меня поклясться кровью рода, что я никогда не открою комнату с зеркалами. Что если услышу Миру — не отвечу. Если увижу дверь — не войду. Если кто-то попытается открыть её через меня — убью этого человека.

Элиана почувствовала, как холод медленно ползёт вверх по спине.

— Через вас?

— Мира была моей сестрой. Я последним видел её живой. Я слышал её в огне. Я пытался войти. Дверь помнит это.

Он коснулся груди — там, где под чёрным мундиром билось сердце.

— И я тоже.

Элиана поняла.

Вторая дверь была не метафорой.

Дверь могла открыться через его вину.

Через память.

Через ту часть Кайрена, которая всё ещё стояла двенадцатилетним мальчиком перед горящей комнатой и не могла спасти сестру.

— Поэтому они выбрали меня, — сказала она медленно.

Кайрен поднял глаза.

— Что?

— Сначала они ломали Элиану. Потом пытались заменить её Селестой. Потом пришла я. Чужая душа, законное право. Алтарь признал меня. Но чтобы открыть следующую дверь, им нужна не только я.

— Им нужен я, — закончил Кайрен.

Они замолчали.

И в этом молчании между ними вдруг стало слишком много смысла.

Селеста не просто хотела стать герцогиней.

Она хотела стать женщиной рядом с Кайреном в тот момент, когда дверь потребует его сердце. Доверие. Вину. Любовь. Или то, что останется, когда всё это смешают с кровью.

Элиана вдруг рассмеялась.

Тихо. Без веселья.

— Великолепно.

— Что именно?

— Я хотела развод, чтобы выжить. А теперь, похоже, развод может открыть дверь в ад, если я уйду не вовремя.

— Вы всё ещё можете требовать его.

Она посмотрела на него.

— Вы сейчас серьёзно?

— Да.

Кайрен говорил спокойно, но глаза были напряжёнными.

— Вы не обязаны оставаться в центре проклятия моего рода.

Элиана долго смотрела на него.

И вдруг поняла: это первый раз, когда он действительно даёт ей выбор.

Не манипулирует.

Не приказывает.

Не проверяет.

Даёт.

В прежней жизни Андрей говорил: “Ты никуда от меня не денешься”.

В этой жизни герцог-злодей, которого она считала будущим палачом, стоял перед ней и говорил обратное.

Ты можешь уйти.

И от этого почему-то стало больно.

— Я не останусь ради вас, — сказала она.

— Я и не просил.

— Я останусь, потому что кто-то решил, будто моим телом, вашей виной и чужими смертями можно пользоваться как ключами. А я не люблю, когда мной пользуются.

— Это разумная причина.

— И ещё потому, что Селеста будет беситься.

Кайрен посмотрел на неё.

На мгновение в его глазах мелькнуло что-то почти тёплое.

— Это тоже разумная причина.

Элиана хотела ответить, но дверь резко распахнулась.

На пороге стояла мадам Ровен.

Без стука.

А значит, случилось что-то плохое.

— Ваша светлость, — сказала она. — Леди Селеста исчезла.

Кайрен застыл.

— Что значит исчезла?

— Её вели в южную башню. На лестнице погас свет. Когда стража снова зажгла факелы, леди уже не было.

Элиана закрыла глаза.

— Конечно.

— Тор? — спросил Кайрен.

— Заперт. Под охраной. Но он смеётся.

— Смеётся? — переспросила Элиана.

Мадам Ровен кивнула.

— Говорит, что всё уже началось.

В этот момент за окном ударил колокол.

Один раз.

Глухо.

Потом второй.

Третий.

Кайрен резко подошёл к окну. Элиана поднялась следом, несмотря на слабость.

Во дворе замка собирались люди. Слуги, стража, гости — все смотрели в сторону северной башни.

На её верхней площадке стояла фигура в светлом платье.

Селеста.

Даже отсюда было видно: волосы распущены, руки раскинуты, будто она приветствовала небо. Вокруг неё кружились белые розовые лепестки.

— Что она делает? — прошептала Элиана.

Кайрен побледнел.

— Северная башня.

— Что с ней?

— Там умерла моя мать.

Колокол ударил снова.

Селеста подняла руку.

И у самого сердца Кайрена, поверх чёрного мундира, вспыхнул тонкий красный знак.

Кайрен резко схватился за грудь.

Элиана подхватила его за руку.

— Что с вами?

Он стиснул зубы.

— Клятва.

На башне Селеста запрокинула голову и закричала. Но крик был не её.

Женский.

Зрелый.

Отчаянный.

— Кайрен! — донеслось через двор. — Мой мальчик... открой мне!

Мадам Ровен сдавленно вскрикнула.

Кайрен замер.

Лицо его стало таким, что Элиана всё поняла раньше, чем спросила.

Голос.

Это был голос его матери.

Из башни, где она умерла.

Из памяти, где он всё ещё был ребёнком.

Из второй двери.

— Не слушайте, — сказала Элиана.

Кайрен будто не слышал.

Знак на его груди разгорался ярче, прожигая ткань мундира. Запахло палёной шерстью и кровью.

Селеста на башне улыбнулась.

И голосом мёртвой герцогини Лиоры прошептала так громко, что услышал весь двор:

— Ты не спас сестру. Но можешь спасти меня.

Кайрен сделал шаг к двери.

Элиана встала перед ним.

— Нет.

Он посмотрел на неё, но взгляд был мутным, далёким.

— Отойдите.

— Не отойду.

— Элиана.

— Это не ваша мать.

— Вы не знаете.

— Знаю. Потому что мёртвые, которые любят, не просят открыть дверь ценой живых.
Он вздрогнул.
На мгновение взгляд стал яснее.
Но с башни снова донёсся голос:
— Кайрен... ты же обещал быть хорошим сыном...
Герцог зажмурился.
Боль исказила его лицо.
Элиана поняла: словами она не удержит.
Тогда она сделала единственное, что пришло в голову.
Схватила его за ворот мундира, притянула к себе и поцеловала.
Не нежно.
Не красиво.
Не романтично.
А резко, отчаянно, почти зло — как бьют пощёчину человеку, который стоит на краю пропасти.
Кайрен застыл.
Мир тоже.
Голос с башни оборвался.
Знак на груди герцога вспыхнул ослепительно и начал гаснуть.
Элиана отстранилась первой.
Сердце колотилось так, будто она снова стояла на дороге перед фарами.
Кайрен смотрел на неё.
Теперь ясно.
Очень ясно.
Слишком ясно.
— Что вы сделали? — спросил он хрипло.
Элиана сглотнула.
— Импровизировала.
— Вы понимаете, что по законам Севера...
— Даже не начинайте.
— ...поцелуй крови прерывает старую клятву только новой.
Она замерла.
— Что?
Мадам Ровен закрыла лицо рукой.
Кайрен медленно коснулся груди. Красный знак исчез.
Зато на запястье Элианы вспыхнула тонкая серебряная линия.
Такая же — на его руке.
Соединённая невидимой болью.
С башни донёсся яростный крик Селесты.
Теперь уже её собственный.
— Нет!
Элиана посмотрела на серебряный знак на коже.
Потом на Кайрена.
— Скажите мне, что я случайно не вышла за вас второй раз.
Он молчал.
Слишком долго.
— Кайрен.
— Нет, — сказал он наконец. — Не вышли.
Она выдохнула.

— Слава всем местным богам.

— Вы связали наши жизни.

Элиана перестала дышать.

— Что значит связала?

Он посмотрел на неё с выражением человека, который сам не решил, злиться ему или смеяться от безумия происходящего.

— Если один из нас умрёт до рассвета, второй умрёт следом.

Колокол ударил в последний раз.

На северной башне Селеста вскинула руки, и за её спиной начала проступать дверь.

Огромная.

Тёмная.

Сделанная не из дерева и камня.

А из чьих-то бьющихся сердец.

Элиана тихо сказала:

— Я начинаю подозревать, что у меня талант ухудшать ситуацию.

Кайрен вытащил меч.

— Зато эффектно.

Он протянул ей руку.

На их запястьях одновременно вспыхнула серебряная связь.

— Идёмте, жена.

Элиана посмотрела на его руку, потом на дверь вдалеке, потом снова на него.

— Я всё ещё хочу развод.

— Доживём до рассвета — обсудим.

Она вложила ладонь в его.

И в тот же миг поняла: вторая дверь открылась не в сердце герцога.

Она открылась между ними.

Глава 11. Башня, которая помнила

Серебряная линия на запястье горела так, будто под кожу впяли лунный свет.

Элиана пыталась не смотреть на неё.

Получалось плохо.

Каждый шаг Кайрена отдавался в её руке лёгкой болью, будто невидимая нить между ними натягивалась и напоминала: теперь они связаны не браком, не титулом, не чужим роман-ным сюжетом.

Жизнью.

Если один умрёт до рассвета — второй умрёт следом.

Прекрасно.

В прежней жизни Марина не могла избавиться от мужа, который её предал. В новой — случайно привязала себя к герцогу, чья семейная башня прямо сейчас открывала дверь из чьих-то бьющихся сердец.

— Я хочу уточнить, — сказала она, стараясь не сбиться с дыхания, пока они почти бежали по коридору. — У вас в этом мире часто поцелуй считается опаснее удара кинжалом?

Кайрен не замедлился.

— На Севере — да.

— Прелестные традиции.

— Вы сами меня поцеловали.

— Чтобы вы не пошли на голос мёртвой матери!

— Я не жалуюсь.

Элиана резко посмотрела на него.

Кайрен шёл вперёд с мечом в руке, мрачный, окровавленный, с обожжённой тканью на груди. И всё же уголок его губ едва заметно дрогнул.

— Сейчас не время для ваших двусмысленностей, ваша светлость.

— Согласен. Позже вернёмся.

— Не вернёмся.

— Доживём — поспорим.

Она хотела ответить, но в этот момент серебряная связь на запястьях вспыхнула ярче. Боль прошла по руке, по плечу, ударила в грудь.

Кайрен остановился так резко, что она едва не врезалась в него.

— Что?

Он приложил ладонь к груди.

— Дверь тянет.

Голос его стал ниже.

Глухим.

Не испуганным — Кайрен, кажется, вообще не умел показывать страх обычным спосо-бом. Но Элиана почувствовала его через связь.

Не мысль.

Не образ.

Ощущение.

Жар. Дым. Детский смех. Собственное двенадцатилетнее бессилие перед огнём.

Она резко вдохнула.

— Это ваши воспоминания?

Он посмотрел на неё.

— Вы их видите?

— Не вижу. Чувствую.

На миг лицо Кайрена стало закрытым, почти злым.

— Не лезьте туда.

— Я не лезу. Меня туда протащило вашей северной романтикой.

— Это не романтика.

— Я уже поняла. Романтика у вас убивает до рассвета.

Он ничего не ответил.

Но связь между ними дрогнула.

И Элиана вдруг поняла: его злость не на неё.

На себя.

Ему было неприятно, что она почувствовала эту старую боль. Неприлично. Слишком близко. Слишком обнажённо для человека, который привык прятать всё под чёрным мундиром и приказами.

Она тише сказала:

— Я не буду использовать это против вас.

Кайрен посмотрел на неё долго.

— Почему?

Очень простой вопрос.

И очень трудный.

Потому что в её прошлой жизни всё личное рано или поздно использовали против неё. Слабость. Заботу. Любовь. Надежду. Лера знала, куда бить, потому что сама выслушивала все её слёзы на кухне.

Элиана отвела взгляд.

— Потому что я знаю, каково это, когда кто-то знает твою боль и делает из неё нож.

Кайрен молчал.

Потом коротко кивнул.

— Тогда не отставайте.

— Как будто у меня есть выбор. Мы теперь, кажется, комплект.

— Очень раздражённый комплект.

— Взаимно.

Они снова двинулись к северной башне.

Замок изменился.

Ещё час назад это был просто мрачный герцогский дом, полный шёпота и интриг. Теперь стены будто ожили. Камень под пальцами Элианы был тёплым. В трещинах пола проступали тонкие красные линии, похожие на вены. Из-за закрытых дверей доносились голоса.

Женские.

Мужские.

Детские.

Одни плакали. Другие звали. Третьи шептали имена.

— Не отвечайте, — сказал Кайрен.

— Я и не собиралась.

— Особенно если услышите знакомый голос.

Элиана хотела спросить, почему, но не успела.

Из-за двери слева донеслось:

— Марин.

Она застыла.

Кайрен тоже остановился.

Голос был невозможен.

Невозможен — и всё равно узнаваем до боли.

Андрей.

— Марин, открой. Ну хватит. Ты же понимаешь, я не хотел.

Элиана почувствовала, как её пальцы похолодели.

Дверь была обычной. Тёмное дерево, медная ручка, герб Вейров. Но из-под неё пробивался свет — не свечной. Жёлтый, квартирный, городской.

Домашний.

— Марина, — голос стал мягче. — Давай поговорим. Ты всё неправильно поняла.

Кайрен взял её за руку.

Не за запястье, где горела связь.

За пальцы.

Крепко.

— Не отвечайте.

Она смотрела на дверь.

Внутри всё старое, больное поднялось сразу. Унижение. Сомнение. Привычка оправдываться. Желание доказать, что она не истеричка, что ей действительно больно, что её действительно предали.

— Он мёртв? — спросил Кайрен тихо.

— Нет.

— Тогда это не он.

— Я знаю.

Но голос продолжал:

— Марин, ты без меня не справишься. Ты же всегда возвращалась.

Элиана медленно выдохнула.

Боль внутри стала ясной.

Не горячей.

Холодной.

Она повернулась к двери и сказала:

— Вот поэтому больше не вернусь.

Кайрен резко сжал её пальцы.

Дверь содрогнулась.

Голос Андрея за ней исказился:

— Неблагодарная дрянь.

Элиана улыбнулась.

— А вот теперь похоже.

Свет под дверью погас.

Голоса исчезли.

Кайрен смотрел на неё странно.

— Кто это был?

— Мужчина, от которого я ушла слишком поздно.

— Он обижал вас?

Вопрос прозвучал тихо.

Опасно тихо.

Элиана пожала плечом, но жест вышел небрежным только наполовину.

— Не кулаками. У нас в мире многие считают, что это значит “не обижал”.

Кайрен ничего не сказал.

Но через связь прошла такая ледяная ярость, что Элиана невольно посмотрела на него.

— Не надо.

— Что?

— Делать такое лицо, будто вы сейчас найдёте путь в мой мир и убьёте его.

— Я не делал такого лица.

- Делали.
- Значит, у вас хорошее воображение.
- У меня теперь чужое тело, магическая связь и дверь из сердец в башне. С воображением всё отлично.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.